

Тихомиров Е. А.

ПЕРВЫЙ ЦАРЬ МОСКОВСКИЙ
ИОАНН IV ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ

РОССИЯ ДЕРЖАВНАЯ

Россия державная

Е. А. Тихомиров

**Первый царь московский
Иоанн IV Васильевич Грозный**

«Алгоритм»

вторая половина 19 века

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Тихомиров Е. А.

Первый царь московский Иоанн IV Васильевич Грозный
/ Е. А. Тихомиров — «Алгоритм», вторая половина 19
века — (Россия державная)

ISBN 978-5-486-04057-3

Тихомиров Е. А. (годы жизни не установлены). История не сохранила имени и отчества этого писателя, скромно называвшего себя «составителем» книг, которые он с редким постоянством, практически ежегодно, публиковал на протяжении сорока лет. Известно лишь, что какое-то время он был преподавателем Коломенского уездного училища, и скорее всего исторические произведения Тихомирова были предназначены его ученикам в качестве методического материала. Так на титульном листе одной из его первых книг – сборника исторических очерков, выпущенного в 1872 г., имеется подзаголовок: «Для чтения в народных школах». Кроме того, Тихомиров является составителем «Вечного календаря», а также автором «бестселлера» своего времени – книги «Загробная жизнь, или Последняя участь человека», совсем недавно переизданной в России. Роман «Первый царь московский Иоанн IV Васильевич Грозный», представленный в этом томе, посвящен царствованию даровитого, верующего, одного из самых образованных людей своего времени, но в тоже время жестокого, страшного для иноверцев и инакомыслящих, правителя Руси.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-04057-3

© Тихомиров Е. А., вторая половина
19 века

© Алгоритм, вторая половина 19 века

Содержание

Том первый	7
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Е. А. Тихомиров
Первый царь московский
Иоанн IV Васильевич Грозный

© ООО ТД «Издательство Мир книги», 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

Том первый

I

Женившись вторым браком на греческой царевне Софии Палеолог, затем женив старшего сына своего Иоанна на дочери молдавского воеводы и господаря и выдав свою дочь Елену за великого князя литовского Александра, ставшего впоследствии королем польским, великий князь Московский Иоанн III Васильевич много хлопотал о том, чтобы найти невесту и для своего сына и наследника престола Василия среди европейских дворов. Поиски его, однако, не увенчались успехом. Оставалось покориться необходимости выбирать невесту для будущего государя из подданных. Великий князь выбрал невесту для своего наследника из 1500 девиц, вызванных в Москву на смотрины от служилых людей всей земли Русской. Выбор пал на Соломонию Сабурову, дочь незначительного дворянина Юрия Константиновича Сабурова.

Четвертого сентября 1505 года была отпразднована свадьба. Но великая княгиня Соломонида, или Соломония, была бесплодна. Тщетно несчастная княгиня употребляла все средства, которые ей предписывались знахарями и знахарками. Через своего брата Ивана Юрьевича Сабурова она беспрестанно отыскивала себе «и жонок, и мужиков», чтобы какими-нибудь чародейственными средствами привлечь к себе любовь мужа. Одна такая женка-знахарка из Рязани, по имени Стефанида, осмотрев Соломонию, решила, что у нее детей не будет, но дала ей наговорную воду, велела ей умываться и дотрагиваться мокрою рукою до белья великого князя. Другая, какая-то безноса черница, давала ей наговорного масла или меда, велела натираться им и уверяла, что не только великий князь полюбит ее, но она будет иметь и детей.

Прошло, однако, уже двадцать лет супружеской жизни, а детей у Соломонии все не было.

У великого князя Василия Иоанновича было в обычае путешествовать по своим владениям в сопровождении бояр и вооруженного отряда детей боярских. Это называлось объездом. В один из таких объездов Василий увидел на дереве птичье гнездо, залился слезами и начал горько жаловаться на свою судьбу. «Горе мне! – говорил он. – На кого я похож? И на птиц небесных не похож, потому что и они плодовиты; и на зверей земных не похож, потому что и они плодовиты; и на воды не похож, потому что и воды плодовиты: волны их утешают, рыбы веселят». Взглянув на землю, он сказал: «Господи! Не похож и на землю, потому что и земля приносит плоды свои во всякое время, и благословляют они Тебя, Господи». Вернувшись из объезда в Москву, великий князь начал советоваться с боярами и говорить им с плачем: «Кому по мне царствовать на Русской земле и во всех городах моих и пределах? Братьям отдать? Но они и своих уделов обстроить не умеют». На этот вопрос послышались голоса между боярами: «Государь великий князь! Неплодную смоковницу посекают и измещут из винограда». Высказывавшие это намекали на необходимость развода. Но бояре могли решить этот вопрос, а власть церковная. Сохранилось предание, что великий князь по совету митрополита Даниила посылал грамоту ко всем четырем восточным патриархам, прося у них разрешения развестись с неплодною женою и вступить в. новый брак, но все патриархи отвечали великому князю решительным отказом. Как бы то ни было, первосвященник Русской Церкви вопреки ясному учению Евангелия и в противность церковным правилам дозволил государю развод с его женой.

Но были люди, смотревшие на это дело иначе. Главным противником развода был инок Вассиан Косой, бывший князь Василий Патрикеев. Великий князь оказывал ему большое уважение за ум и образованность и позволял ему иметь сильное влияние на дела церковные. Но теперь, когда возник вопрос о разводе, Вассиан был против него. Вместе с ним против развода как против дела незаконного и бессовестного были князь Семен Феодорович Курбский,

почтенный благочестивый старец, некогда славный воин, покоритель Перми и Югры. Мнение Вассиана и Курбского поддерживал и знаменитый Максим Грек.

Несмотря на их сопротивление, в ноябре 1525 года был объявлен развод великого князя с Соломониею, которая была насильно пострижена в монашество. Герберштейн, бывший послом в Москве от германского императора, передает в таком виде обстоятельства этого пострижения.

Когда великой княгине начали стричь волосы, она голосила и плакала. Митрополит поднес ей монашеский кукуль – шапочку. Она вырвала его из его рук, бросила на землю и стала топтать ногами.

Стоявший рядом близкий советник Василия Иоанновича Иван Шигона ударил ее плетью и сказал:

– Так ты еще смеешь противиться воле государя и не слушать его повелений?

– А ты, – сказала Соломония, – по какому праву смеешь бить меня?

– По приказанию государя! – ответил Шигона.

– Свидетельствуюсь перед всеми, – громко сказала Соломония, – что не желаю пострижения и на меня насильно надевают кукуль. Пусть Бог отомстит за такое оскорбление!

Пострижение произошло 28 ноября 1525 года в Москве, в Рождественском девичьем монастыре. Постригал Соломонию Никольский игумен Давид, вероятно, в присутствии митрополита. Из Москвы бывшую великую княгиню Соломонию, в монашестве Софию, отправили в Суздальский Покровский монастырь.

В противоположность рассказу Герберштейна о пострижении великой княгини Соломонии приведем и рассказ, находящийся в летописи, служащей продолжением Нестору: «Благоверная великая княгиня Соломонида, видя неплодство чрева своего, яко же и древняя Сарра, начат молити государя великаго князя Василия Ивановича всея Руси, да повелит ей облещися во иноческий образ. Царь же, государь всея Руси нача глаголати сице: како могу брак разорите, а вторым совокупитися, – паче же государь благочестив и совершитель заповедем Господним и законному повелению? Христолюбивая же великая княгиня с прилежанием и со слезами начат молити государя, да повелит ей сотворите тако, яко же хочет. Царь же ни слышати сего не восхоте, и приходящих от нея вельмож отрева с злобою. Великая же княгиня, видя непреклонна государя на моление ея, начат молити Данила Митрополита, да умолит о сем государя, дабы сотворил волю ея быти». Великий князь послушался митрополита.

Однако это известие, очевидно, внесено в летопись из страха разгневать великого князя. Все другие источники единогласно утверждают, что Соломония была пострижена насильно.

Вскоре после пострижения Соломонии в Москве разнесся слух, что она беременна и скоро разрешится. Этот слух подтверждали две боярыни, жены близких к государю людей, вдова казначея Юрия Траханиота, Варвара, и жена постельничего Якова Мансурова. Они говорили, что слышали от самой Соломонии о ее беременности и близких родах. Великий князь очень смутился этой молвою, удалил из дворца обеих боярынь, а вдову Траханиота приказал даже высечь за то, что она раньше не донесла ему об этом. Он послал в монастырь к Соломонии разузнать дело на месте своих дьяков: Третьяка Ракова и Меньшого Путятина. Чем окончилось исследование, нам неизвестно. Герберштейн пишет, что в бытность его в Москве выдавали за истину, что Соломония родила сына, именем Юрия, и никому его не показывала. Когда к ней явились посланные узнать истину, то она сказала им: «Вы недостойны того, чтобы глаза ваши видели ребенка. А вот когда он облечется в свое величие, то отомстит за оскорбление матери». Но многие не верили, что Соломония действительно родила.

Предание о том, что у Соломонии был ребенок, живо до сих пор в Суздальском Покровском монастыре.

II

Ровно через два месяца после пострижения Соломонии, 28 января 1526 года, великий князь Василий Иоаннович женился на Елене Васильевне Глинской, дочери Василия Глинского, литовского выходца. Митрополит Даниил опять вопреки церковным правилам благословил великого князя вступить в новый брак и даже сам обвенчал его.

Никакого выбора невест на этот раз не было.

Новая супруга великого князя не походила на тогдашних русских женщин. Отец ее и особенно дядя, живший в Италии и Германии, были люди образованные. И Елена, без сомнения, усвоила от родных иноземные понятия и обычаи. Женившись на ней, Василий Иоаннович тоже как будто стал склоняться к сближению с другими европейскими государствами. В угоду молодой жене он даже сбрил себе бороду; а это, по тогдашним понятиям, считалось не только делом непристойным, но даже тяжким грехом: православные считали бороду необходимою принадлежностью благочестивого человека. На иконах, представлявших Страшный суд, по правую сторону Спасителя изображались праведники с бородами, а по левую – басурманы и еретики, обритые, с одними только усами, «аки коты и псы», как говорили набожные люди.

III

Вступив во второй брак, Василий Иоаннович освятил этот брак в самом начале молитвою о чадородии. Через месяц после свадьбы, назначая в Новгород архиепископом своего любимца архимандрита Можайского монастыря Макария, великий князь поручил ему, как приедет на паству, «в ектеньях молити Бога и Пречистую Богоматерь и чудотворцев о себе и о своей княгине Елене, чтобы Господь Бог дал им плод чрева их», о чем действительно и молились по всей епархии в церквях и монастырях.

В конце года великий князь совершил богомольный поход в Тихвин, к Тихвинской Богоматери, куда приехал вместе с новгородским владыкою Макарием 24 декабря, в навечерие праздника Рождества Христова, пробыл там три дня и три ночи, молился «о здравии и о спасении, и чтобы ему Господь Бог даровал плод чрева... великую веру и умильное моление показал ко Всемилоствому Спасу и Пречистой Богородице и к Их угодникам; показал многую милость к печальным людям, которые в его государевой опале были, монастыри милостынями удоволил».

Но прошло почти два года, а Господь все не благословлял детьми и этого брака. Осенью 1528 года великий князь, прожив до Филипповских заговен в Новой Александровой слободе, предпринял оттуда новый богомольный поход по монастырям к чудотворцам вместе с великою княгинею: был в монастырях Переяславских, Ростовских, Ярославских, на Белом озере в Кириллове монастыре, на Кубенском озере в Спасо-Каменном монастыре, везде милостыню великую давал и потешение по монастырям, и в городе попам, прося молиться о чадородии, «чтобы дал Бог отрод у него был». В Переяславле основывал тогда свой монастырь преподобный Даниил, ученик Пафнутия Боровского. Посетив святого старца, великий князь завещал поставить в монастыре каменную церковь во имя Святой Троицы, для чего и запас к церковному строению послал, прося преподобного молить Бога о даровании ему чада. По словам Макария, любимца великого князя, последний «не умалял подвига в молитве, не сомневался от долгого времени своего бесчадства, не унывал с прилежанием просить, не переставал расточать богатство нищим, путешествуя по монастырям, воздвигая церкви, украшая святые иконы, монахов любезно успокаивая, всех на молитву подвизая, совершая богомольные походы по дальним пустыням, даже пешком, вместе с великою княгинею и с боярами; всегда на Бога

упование возлагая, верую утверждаясь, надеждою веселясь... желаше бо попремногу от плода чрева его посадити на своем престоле в наследие роду своему».

Таким образом, четыре с половиной года протекли в непрестанных молениях, в непрестанных подвигах благочестия и милосердия. В последнее время супруги с особенною верою прибегали к преподобному Пафнутию Боровскому. Наконец молитва их была услышана: Господь внял стенаниям и слезам супругов и «разверзе союз неплодства их». 25 августа 1530 года была великая неизреченная радость великому князю и великой княгине и всему Московскому государству: в этот день Бог даровал государю сына Иоанна – молитвенный плод, столько времени и с такою горячностью ожидаемый родителями. В 1584 году рязанский епископ Леонид свидетельствовал перед царем Феодором Иоанновичем как о деле всем известном, что «по прошению и по молению преподобного Пафнутия чудотворца дал Бог наследника царству и многожеланного сына отцу». Это подтверждается еще и тем, что восприемниками новорожденного первенца Васильева от купели были избраны ученики преподобного Пафнутия – Даниил Переяславский и Кассиан, прозванный Босым. Крещение новорожденного совершено было в Троице-Сергиевом монастыре игуменом Иоасафом Скрипицыным у мощей преподобного Сергия. Здесь Даниил своими руками носил младенца во время литургии и к причастию Святых Тайн. Рассказывали, что великая княгиня во время своей беременности, «яко быст близ рождения», спросила одного юродивого, Дементия, кого она родит. Он, юродствуя, отвечал: «Родится Тит – широкий ум». Она еще больше стала молиться, чтобы исполнилась ее надежда. За девять дней до рождения, в Успенский пост, иереи служили обедню, вовсе не ведая, что великая княгиня уже непраждна. Когда на ектений, среди обычных молений о великом князе и о великой княгине, следовало произнести: «О еже подати им плод чрева», – один клирик внезапно, яко сном объят, возгласил: «И о благородном чаде их», – и в изумлении оглядывал других служащих, желая знать об имени царственного младенца. Богодарованному отроку наречено имя Иоанн, «еже есть Усекновение Честныя Главы», сказано в летописи. В мамы к новорожденному малютке была избрана Аграфена Челядника, сестра будущего наперстника Елены, князя Ивана Федоровича Овчины-Телепнева-Оболенского.

Ни одному царскому рождению не придавали такого великого значения и особенного смысла, как этому рождению будущего грозного царя. Летописцы записали, что будто бы в час его рождения по всей Русской земле внезапно был страшный гром, блистала молния, как бы основание земли поколебалось.

Великий князь не знал, как выразить свою радость и свою благодарность Богу: сыпал золото в казны церковные и на бедных, велел отворить все темницы и снял опалу со многих знатных людей, бывших у него под гневом: с князя Федора Мстиславского, женатого на племяннице государевой и ясно уличенного в намерении бежать к польскому королю, с князьями: Щенятева, Суздальского-Горбатого, Плещеева, Морозова, Лятцкого, Шигоны и других, подозреваемых в недоброжелательстве к Елене. С утра до вечера великокняжеский дворец наполнялся усердными поздравителями – не только москвичами, но и жителями самых отдаленных городов. Пустынники, отшельники приходили благословить державного младенца в пеленах и были угощаемы за великокняжескою трапезою. В знак признательности к угодникам Божиим, покровителям Москвы – святым митрополитам Петру и Алексию, великий князь устроил для мощей их богатые раки: для первого золотую, для второго – серебряную.

Понятно после этого, как велика была любовь Василия к своему первенцу и как сильна заботливость о нем. Уезжая из Москвы, он писал Елене в ответ на ее письма: «Говоришь ты, что у сына на шее показался веред. Ты мне прежде об этом зачем не писала? И ты бы мне теперь дала знать, как Ивана сына Бог милует, и что у него такое на шее явилось и как явилось, и давно ли, и лучше ли теперь? Да поговори с княгинями и боярынями, что это такое у Ивана сына явилось, и бывает ли это у детей малых? Если бывает, то от чего бывает: с роду или от чего

иного? Ты бы и впредь о своем здоровье и о здоровье сына Ивана не держала меня без вести. Да и о кушанье сына вперед ко мне отписывай: что Иван сын покушает, чтоб мне было ведомо».

Через два года с небольшим после Иоанна, 30 октября 1532 года, у Елены родился другой сын – Юрий (Георгий), восприемником которого был тоже Даниил Переяславский. Крещение его совершено было тем же троицким игуменом Иоасафом Скрипициным.

IV

В конце 1533 года великий князь Василий Иоаннович отправился с женою и детьми в Троицкий монастырь праздновать день святого Сергия, угостил там братию и поехал оттуда на охоту в Волок-Ламский «тешиться». На пути, в селе Озериком, у него оказалось на левой ноге «знамя болезненности» – болячка с булавочную головку, багровая, но без верху. Он, однако, продолжал путь. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы Василий отпраздновал в селе Покровском, в Фуникове, и провел там два дня. Болезнь начинала беспокоить его, но он перемогался. На третий день, в воскресенье, он приехал в Волок и был на пиру у любимца своего, дворецкого тверского и волоцкого, Шигоны. Боль увеличивалась, и лекарства не помогали. В понедельник он ходил в баню, а за столом сидел в постельных хоромаш с великою нуждою. Поутру во вторник погода случилась весьма удобная для охоты: он велел позвать ловчих Нагого и Дятлова и «не унявся» поехал в село свое Колие. До села того едучи, мало было потехи. Из Колпии великий князь послал за братом Андреем в старицу – звать его на охоту. Через силу выехал он в поле с собаками, но с третьей версты воротился назад: болезнь его одолела, он слег в постель, не вставая к столу. Тогда он послал за князем Михаилом Глинским, дядей великой княгини, и врачами своими Феофилом и Люевым (Буловым). Прикладывали к болячке пшеничную муку с пресным медом и печеный лук, отчего она стала рдеться и гноиться. В Колии великий князь пробыл две недели. Возвращаться на коне в Волок он уже не мог: дети боярские и княжата понесли его на носилках. Стали прикладывать мазь, и гною выходило по полтазу и даже тазу. Велика была тягость «в грудех», ставили горшки-семянники, которые оказали свое действие. Но облегчения никакого не было: «и от того часа порушился ему ества (то есть пропал аппетит), не нача ясти, – и уразуме князь великий болезнь свою смертную». Тогда послал он в Москву своего стряпчего и дьяка за духовными грамотами деда и отца, не веля о том сказывать никому. Мансуров и Путятин привезли грамоты тайно от всех – от княгини и братьев, митрополита и бояр.

Накануне дня памяти Варлама Хутынского¹ ночью вышло из больного места гноя больше таза и стержень в полторы пяди, но не весь. Больной обрадовался, надеясь на облегчение, но напрасно. Становилось час от часу хуже и хуже. Он послал тогда за боярином своим Михаилом Юрьевичем Захарьиным и любимым старцем Мисаилом Сукиным. Они приехали. «Я хочу постричься, – сказал он им и духовнику своему протопопу Алексею, – чтобы платье чернеческое было у вас готово: смотрите, не положите меня в белом». Открылся совет с прочими, как ему ехать в Москву. На совете решено побывать прежде в Иосифове монастыре, у Пречистой помолиться. С великим трудом отправился великий князь в путь и взял заговейное в селе своем на Буге-Городе вместе с братом Андреем. Повели его под руки в церковь. Великая княгиня с детьми, приехавшая из Москвы, следовала за ними. Дьякон от слез не мог промолвить ектений о здравии государя; игумен, братия, бояре и все люди плакали. Когда началась обедня, великий князь, не имея сил стоять, был вынесен на паперть церковную и положен на одр, на котором и лежал во все продолжение службы.

Когда кончилась обедня, его отнесли в келью. Игумен стал умолять его покушать. Великий князь немного поел через силу и велел своему брату с боярами идти в монастырскую тра-

¹ Память преподобного Варлама Хутынского празднуется 6 ноября.

пезу. Переночевав в Иосифовом монастыре, он поехал в Москву. Дорогою часто останавливались и отдыхали. Василий советовался с боярами, как бы въехать в город не явно, потому что на Москве в то время были иноземные послы. Наконец решили остановиться на Воробьевых горах. Здесь больной пробыл два дня. Сюда приезжали к нему из Москвы митрополит Даниил, епископы, архимандриты, бояре. Под селом Воробьевым по его приказанию стали строить мост на Москве-реке. Это было в ноябре; лед стал еще не очень крепко; его рубили, поспешно вбивали сваи, а на них мостили доски. На третий день великий князь отправился в Москву. В каптану, поставленную на сани, впряжены были четыре коня; едва, спустившись с горы, стали они взбираться на мост, как тот подломился: дети боярские успели удержать каптану и быстро обрезали гужи у коней. Великий князь принужден был вернуться. Он посердился на городничих, смотревших за постройкою, но не положил на них опалы. Он въехал в Москву другим путем – на пароме под Дорогомиловым в Боровицкие ворота.

Первой заботой великого князя по приезде в Кремль и успокоении в постельных хоромаш было – написать духовную. Он чувствовал себя очень плохо. Около него находились постоянно митрополит, коломенский святитель, любимый старец Мисаил Сукин и духовник. Он советовался с ними о пострижении. «Я знаю, – сказал он первосвятителю, – никто не хочет, чтоб я сделался монахом; но ты, отче, не смотри ни на кого и сотвори по воле Божией инока мя быти, хоть я и грешен». Он велел тайно служить обедню у Благовещения, в пределе Василия Великого, и принял Божественные Дары, поднесенные ему коломенским владыкою Вассианом. В среду, в присутствии только доверенных духовных лиц, он освящался маслом. В воскресенье же велел служить у Рождества и принести к себе святое причастие. Он не мог двигаться, и ему к постели придвинули кресло; но, как увидел святое причастие, то встал сам с постели, и только немного пособил ему усесться на кресле боярин Михаил Юрьевич. Протопоп Алексей поднес святыя дары, а поп Григорий – дору (антидор). Он встал на ноги и с великим благоговением и слезами приобщился пречистого Тела и Крови Христовой; потом откушал освященного хлеба, дору, укропу, кутии и просфоры. Отдохнув, он призвал митрополита, братьев, Юрия и Андрея, и бояр. Узнав о болезни великого князя, они все съехались из своих отчин, братья же еще прежде. Великий князь сказал им: «Приказываю (отдаю на руки) сына своего Ивана Богу и Пречистой Богородице, и святым чудотворцам, и тебе, отцу своему, Даниилу митрополиту всея Руси; даю ему свое государство, которым меня благословил отец мой, князь великий Иван Васильевич всея Руси. И вы бы, мои братия, князь Юрий и князь Андрей, стояли крепко в своем слове, на чем крест целовали мы между собою – о земском строении, о ратных делах; против недругов сына моего и своих стояли дружно, чтоб рука православных христиан была высока над басурманами и латинами. Вы же, бояре и боярские дети, и княжата, ведаете сами, что наше государство Владимирское, Новгородское и Московское ведется от великого князя Владимира Киевского. Мы вам – государи прирожденные, а вы нам – извечные бояре: стойте крепко, чтоб мой сын учинился на государстве – государь и чтоб была на земле правда».

Затем он отпустил от себя всех и, оставив только Дмитрия Бельского с братьею да князем Шуйских, Горбатовых и Михаила Глинского, обратился к ним с такими словами: «Поручаю вам Михаила Львовича Глинского. Человек он приезжий; и вы бы того не говорили, что он приезжий: держите его за здешнего уроженца, потому что он мне верный слуга». Обратившись же к Глинскому, он сказал ему: «А ты, князь Михаил, за моего сына Ивана и за жену мою Елену должен охотно пролить всю кровь свою и дать тело свое на раздробление».

Болезнь усиливалась, от раны пошел дух – «неждид смертный». Великий князь обратился к доктору Люеву: «Брат Николай! Пришел ты ко мне из своей земли и видел мое великое жалованье к себе: можно ли тебе, чтоб было облегчение болезни моей?» Николай отвечал: «Жил я, государь, в своей земле и прослышал о твоём великом жалованье и ласке; я оставил отца и мать и землю свою и приехал к тебе, государь, видеть твоё великое жалованье до себя и

хлеб-соль. Готов бы я хоть тело мое раздробить для тебя, государь. А мощно ли мне мертвого живым сотворить? Я не Бог».

«Слышите? – сказал Василий детям боярским и своим стряпчим. – Николай надо мною познал, что я уже не ваш». Стряпчие и дети боярские сдерживали слезы и, вышед вон, заплакали горько.

На воскресенье против той ночи, как причаститься Святых Тайн, великий князь притихнул и начал во сне порывистым голосом петь: «Аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе Боже!» Потом проснулся и сказал: «Как Богу угодно, так и будет. Буди имя Господне благословенно отныне и до века». Пришел к нему игумен Троицкого монастыря Иоасаф, и сказал ему великий князь: «Помолись, отче, о земском строении, о сыне моем Иване и о моих прегрешениях. Я крестил его у чудотворца и дал его чудотворцу, и на раку его клал. Молите Бога об Иване, сыне моем, и о моей жене». Игумену не велел выезжать из города. В среду великий князь приобщился еще запасными дарами, но с постели встать не мог: его приподнимали под плечи. По приобщении вкусил немного взвару. Потом он призвал бояр своих – князей Шуйских и других, которые оставались у него от 3-го часа до 7-го, и рассуждал с ними о том, как править после него государством. А Глинский, Захарьин и Шигона оставались у него до самой ночи. Он наказывал им о своей великой княгине Елене, как ей без него быть и как боярам к ней ходить. Пришли братья Юрий и Андрей и начали притужать его, чтоб вкусил чего-нибудь хотя мало. Больной отведал миндальной каши, едва поднеся к губам. Братья ушли, но он велел воротить Андрея. Были у него Глинский, Захарьин и Шигона. «Вижу сам, – сказал он, – что живот мой к смерти приближается. Пошлю за сыном Иваном: я благословлю его крестом Петра митрополита. Пошлю и за женою: хочу проститься с нею». И потом вдруг передумал: «Нет, не надо приносить сына: я страшен, – как бы младенец не испугался». А брат Андрей и бояре советовали: «Пошли за сыном и благослови его; пошли и за княгинею». Тогда великий князь послал за женою, но прежде велел принести сына, плача ради великой княгини, и положил на себя крест Петра митрополита. Князь Михаил Глинский принес на руках младенца Иоанна вместе с боярыней Аграфеной, его мамкой. Ему было только три года и три месяца. Василий приподнялся. Слезы потекли у него из глаз. Он снял с себя крест Петра Чудотворца, приложил ко кресту сына и, благословив, надел на него, и сказал: «Буди на тебе милость Божия. Как Петр Чудотворец благословил сим святым и животворящим крестом прародителя нашего, князя Ивана Даниловича и весь род наш даже и донныне, до нас, так и я благословляю тебя, сына своего старейшего: да будет тебе сей святой крест на прогнание врагов и борителей наших. Многие иноверные покушались на православие и на нашу державу, Богом порученную нам, разорить хотяще, но не возмogli одолеть крестной силы. Есть бо нам верным забрало крест честный и святых молитвы. Буди же на тебе его благословение, на твоих детях и на внучатах от рода в род, буди и мое благословение на тебе, на твоих детях и на внучатах от рода в род. Еще благословляю тебя благословением нашего прародителя, великого князя, Володимировым Мономашим честным крестом. К сему же приими и венец царский Мономаш, и жезл, и прочую утварь царскую Мономашу, имиже мы, великие князи, венчаемся на великое самодержавство Русского царства. Тако ж вручаю тебе сей скипетр, великия России державу – великое княжение Владимирское, Московское и Новгородское, и всяя Руси великое государство».

Так благословил он своего сына, целуя его со слезами.

– А ты, Аграфена, – сказал он, обратясь к маме, боярыне Челядниной, – чтобы от сына моего Ивана ни пяди никогда не отступала.

Пришла великая княгиня, поддерживаемая с одной стороны братом, князем Андреем, а с другой боярынями. Обливаясь горькими слезами, она причитала, все плакали. Великий князь утешал ее: «Перестань, мне легче, ничего не болит, благодарю Бога». «На кого ты меня оставляешь, кому детей приказываешь?» – воскликнула она, немного успокоясь. Великий князь отвечал: «Я благословил сына Ивана государством, великим княжеством, а тебе написал в

духовной, как прежним великим княгиням по достоянию, согласно грамотам отцов наших прародителей, что следует». Тогда Елена начала бить челом о меньшем сыне, князе Юрии, прося благословить и его. Принесли Юрия: он был одного года. Великий князь возложил на него крест Паисеинский и потом взял к себе, веля, по преставлении своем, отнести тот крест боярину своему Михаилу Юрьевичу. Сына Юрия пожаловал тогда же отчиною: завещал ему Угличе-Поле с прочими городами.

Завещав правление Елене до совершеннолетия сына, великий князь простился с нею и велел идти к детям, а сам послал за владыкою коломенским Вассианом и старцем Мисаилом Сукиным, также за троицким игуменом Иоасафом и велел ему стоять перед собою, а стряпчему Федору Кучецкому стать с ним рядом, потому что этот стряпчий был свидетелем кончины отца Васильева, великого князя Иоанна. Затем велел дяку крестовому Даниилу петь канон великомученице Екатерине и канон на исход души. При начале канона он забылся и потом вдруг проснулся, как будто что-то увидел во сне, проговорил: «Государыня великая Екатерина! Пора царствовать», – благоговейно приложился к образу Великомученицы и коснулся его правою рукою, которая у него болела. Принесены были к нему и мощи ее. Он велел принести также образ Пречистой и Николая Чудотворца. Тогда он послал Шигону за духовным отцом, протопопом Алексеем, чтоб он принес запасные дары, и велел спросить его, видал ли он когда, как душа расстается с телом. Тот отвечал, что ему редко случалось видеть это. Старец Мисаил Сукин принес иноческое одеяние. Пришли митрополит Даниил, братья Васильевы, все бояре и дети боярские. Митрополит и владыка Вассиан присоветовали послать за образом Владимирской, что писал Лука Евангелист, и Николы Гостунского. Много и других чудотворных образов снесено было в спальню великого князя, и между прочими – образ великомученицы Екатерины, на который он смотрел беспрестанно. Подозвав к себе боярина Михаила Семеновича Воронцова, он поцеловался и простился с ним. Оборотившись, сказал брату Юрию: «Помнишь, как отца нашего, великого князя Ивана, не стало на завтрее Дмитриева дня, в понедельник... Вот и ко мне смертный час и конец приближается...»

Прошел час. Великий князь позвал митрополита и владыку Вассиана и сказал им: «Изнемогаю, постригите меня, как я желал всегда». Митрополит Даниил и боярин Михаил Юрьевич похвалили его доброе намерение; но брат его, князь Андрей, Воронцов и Шигона не соглашались с ними, говоря: «Князь Владимир Киевский умер не чернецом, а сподобился праведного покоя; многие другие великие князья также», – и начался между ними великий спор. Великий князь повторял: «Постричься хочу, – чего мне долежать!»

Он велел принести святое причастие и держать близ него, начал креститься и говорить: «Аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже!» Потом прошептал некоторые слова из акафиста и наконец промолвил: «Ублажаем тя, преподобие отче Сергие...» Язык у него отнимался: он знаками просил пострижения, указывал на иноческое одеяние, целовал простыню. Он смотрел направо, на образ Пречистой Богородицы, что висел пред ним на стене, хотел креститься, но правая рука не могла уже приподняться, и боярин Захарьин поднимал ее. Митрополит велел принести чернеческое одеяние, а епитрахиль была с ним. Отрицание иноческое великий князь исповедал еще в воскресенье, перед Николиным днем, приобщившись Святых Тайн, и тогда же приказывал положить на себя чернеческое платье на мертвого, если не дадут постричь его.

Пришел с чернеческим платьем старец Мисаил, а великий князь уже кончался. Митрополит подал чрез него епитрахиль игумену Иоасафу. Князь Андрей Иванович и боярин Воронцов не давали священнодействовать. Митрополит Даниил закричал на князя Андрея: «Не благословляю тебя ни в сей век, ни в будущий! Его ты не отнимешь у меня: добр сосуд серебряный, а позлащенный лучше». Великий князь отходил. Митрополит спешил кончить обряд, назвал Василия Варлаамом, возложил на него парамантию² и ряску, а мантии не оказалось: ее вто-

² Парамантия, или параманд, – четырехугольный плат с изображением креста, носимый на персях или на раменах. Шну-

ропях вырвали, когда несли монашеское одеяние к великому князю. Троицкий келарь Серапион отдал свою мантию. В комнате было много иноков, с которыми великий князь беседовал прежде о душе своей. На грудь его они положили Евангелие и схиму ангельскую. Конец приходил: оставалось, кажется, одно мгновение жизни. Духовник не спускал с него глаз. Вот наступает последний вздох, чуть раскрылись уста – и отец Алексей влил святое причастие. Великий князь скончался. «И виде Шигона дух его отшедш аки дымец мал». И просияло как будто лицо его, по уверению предстоявших. Раздался плач. Бояре унимали стонавших, чтоб не услышала великая княгиня, еще не знавшая о кончине. Это было 4 декабря, на память великомученицы Варвары, со среды на четверг, в 10-м часу ночи.

Митрополит, намочив хлопчатой бумаги, сам обтер тело усопшего от пояса. Потом отвел братьев, князей Юрия и Андрея, в переднюю избу и привел их к присяге служить великому князю Ивану Васильевичу, как отцу его и деду, равно матери его, великой княгине Елене, а жить в своих уделах и государства под ними не хотеть, людей к себе не отзывать, а против недругов, латинства и бесерменства, стояти за одно. К присяге были приведены тогда же и все бояре, боярские дети и дворяне.

Тогда митрополит пошел к великой княгине, которая, лишь только увидела его, упала в обморок и около двух часов лежала как мертвая. Между тем троицкий игумен Иоасаф и иноки Иоасафова монастыря, к которому особенно благоволил покойный, убрали тело, отослав княжеских стряпчих, расчесали бороду, подстлали под него черную тафтяную постель и положили на одр от Чудова монастыря, как подобает по чернеческому чину; потом отслужили заутреню крестовые дьяки с протопопом, часы, каноны и канон погребения. Наутро пришел прощаться народ, боярские дети, княжата, гости, стряпчие, погребные и прочие люди.

Поутру в четверг, в первом часу дня, митрополит велел звонить в большой колокол и ископать гроб, снявши меру, в Архангельском соборе. Собралось духовенство из ближайших областей, архиереи и архимандриты, все московское духовенство. Тело великого князя вынесено было в переднюю избу; дьяки его певчие, большая станица, стояли в дверях у комнаты и пели «Святой Боже». Великую княгиню вынесли на руках из хором на лестницу дети боярские, в сопровождении бояр и боярынь. Тело великого князя Василия было положено в Архангельском соборе подле его родителя.

Жития его было 56 лет, 8 месяцев и 9 дней, а великокняжения 28 лет и 5 недель.

На гробнице его начертана следующая надпись: «В лето 7042 (1533) декабря в 4-й день преставися Благоверный и Христолюбивый Князь Великий Василий Иванович всея России, во иноцех Варлаам».

V

По смерти Василия Иоанновича опека над малолетним Иоанном и управление великим княжеством принадлежали великой княгине – вдове Елене Васильевне. Это делалось по общепризнанному, подразумевавшемуся обычаю, и потому в подробном описании кончины Василия среди подробных известий о последних словах его и распоряжениях не говорится прямо о том, чтобы великий князь назначил жену свою правительницею; говорится только, что трем приближенным лицам: Михаилу Юрьевичу, князю Михаилу Глинскому и Шигоне – он приказал о великой княгине Елене, как ей без него быть, как к ней боярам ходить. Эти слова о боярском хождении и должны были принимать, как прямо относящиеся к правительственному значению Елены, должны были видеть в них хождение с докладами.

рами, пришитыми к углам его, параманд объемлет плечи монаха и обвивает, и стягивает одежду. Параманд дается иноку во всегдашнее воспоминание ему взятия на себя благого ига Христова и в обуздание и связание похотей и плотских желаний.

В Псковской летописи говорится о возведении малолетнего Иоанна на престол так: «Начали государя ставить на великокняжение в соборной церкви Пречистыя Богородицы митрополит: Даниил и весь причет церковный, князья, бояре и все православное христианство. Благословил его митрополит крестом и сказал громким голосом: «Бог благословляет тебя, государь, князь великий Иван Васильевич, Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Тверской, Югорский, Пермский, Болгарский, Смоленский и иных земель многих, царь и государь всея Руси! Добр и здоров будь на великом княжении, на столе отца своего». Новому государю пропели многолетие, и пошли к нему князья и бояре, понесли дары многие. После этого отправили по всем городам детей боярских приводить к присяге жителей городских и сельских.

Итак, во главе государства появляются малолетний государь и правительница – женщина, и притом чужестранка из рода ненавистного московским боярам и нелюбимого народом! Чего же можно было ожидать? Казалось бы, что за смертью великого князя неминуемо должны последовать беспорядки. Но вышло обратное: в руках Елены власть несколько не ослабла; она оказалась достойной того положения, которое выпало на ее долю. Трудным было положение Елены: ее не любили братья покойного государя, у которых она отняла надежду на престолонаследие; не угодила она и дяде своему – князю Михаилу Львовичу Глинскому, который надеялся управлять от ее имени и обманулся в своей надежде.

Самыми доверенными и самыми влиятельными людьми при дворе в первое время по смерти Василия Иоанновича были: князь Михаил Глинский и Шигона Поджогин. В конце княжения Василия Глинский замыслил изменить великому князю московскому и бежать обратно в Литву, но был привезен в Москву и заключен в темницу. Но потом великий князь простил его и перед смертью завещал уважать как дядю своей жены. Таким образом, Глинский и в Москве достиг почти такого же положения, какое имел некогда в Литве при великом князе Александре. Но скоро появился ему опасный соперник – молодой князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский, сумевший приобрести особенное расположение великой княгини, сблизившейся с ним, вероятно, при посредстве сестры его Аграфены Челядниной, мамки великого князя. Оболенскому и Глинскому стало тесно друг с другом, и Елена должна была выбирать между ними. Она выбрала Оболенского. Глинский был обвинен в том, что отравил великого князя Василия³, точно так же, как в Литве обвиняли его в отравлении великого князя Александра. Герберштейн указывает еще на другую причину опалы, постигшей Глинского: он уличал великую княгиню в безнравственности. 19 августа 1534 года Глинский был схвачен и посажен в ту самую темницу, в которой сидел прежде при Василии: здесь он скоро и умер.

Но вернемся немного назад.

Умирающий Василий имел причины беспокоиться о судьбе малолетнего сына: осталось двое его братьев, которые хотя и отказались от прав своих на старшинство, однако могли при первом удобном случае возобновить старые притязания. А эти притязания были тем более опасны, что вельможи, потомки князей, также мечтали и толковали о своих старинных правах и тяготились новым порядком вещей, введенным при Василии и отце его. Если Иоанн III еще советовался со своими боярами и позволял противоречить себе, то Василий III не искал и не принимал ничьего совета, хотел быть сам мудрее всех и все дела, по выражению Берсеня, «сам-третей у постели делал». По словам Герберштейна, Василий «властью своею над подданными превосходил всех монархов в целом свете». Все повиновалось его самовластию. Между тем втайне бояре вздыхали о тех временах, когда их предки не дрожали перед великими князьями, а говорили с ними смело, когда князья без их совета ничего не начинали. Но при таких госуда-

³ Летописи говорят, будто он «дал великому князю Василию зелья пити в его болезни, и великого князя в той болезни не стало». (Ник. лет. VII, 2–3. П.С.Р.Л. VIII, 287.)

рях, каковы были Иоанн III и сын его Василий, опасно было шепотом друг с другом поговорить об этом, страшно было даже помышлять...

«Вы бы, братья мои, князь Юрий и князь Андрей, – говорил умирающий Василий братьям, – стояли крепко в своем слове, на чем мы крест целовали». Боярам же он считал нужным напомнить о происхождении своем от Владимира Киевского, напомнить, что он и сын его – прирожденные государи. Василий знал, что в случае ушибы и торжества братьев детям его нельзя ждать пощады от победителя...

Опасения умирающего сбылись: тотчас после похорон Василия великой княгине донесли уже о крамоле. Князь Юрий Иванович прислал дьяка своего, Третьяка Тишкова, к московскому боярину, князю Андрею Шуйскому, звать его к себе на службу. Шуйский сказал дьяку: «Князь ваш вчера крест целовал великому князю, клялся добра ему хотеть, а теперь от него людей зовет!» Третьяк отвечал на это: «Князя Юрия бояре приводили заперши к целованию, а сами ему за великого князя присяги не дали: так это что за целование? Это невольное целование!» Андрей Шуйский передал об этом князю Горбатову, тот сказал боярам, а бояре – великой княгине. Елена отвечала им: «Вчера вы крест целовали сыну моему на том, что будете ему служить и во всем добра хотеть: так вы по тому и делайте. Если является зло, то не давайте ему усилиться». По приказанию великой княгини Юрий был схвачен. Его посадили в тюрьму и там умили⁴.

Между боярами поднималось недовольство: им было не по душе, что Иван Оболенский был облечен полною доверенностью правительницы, занимал первое место в управлении. Многие обманулись в своих честолюбивых надеждах и, в негодовании на Елену и ее любимца, задумали уйти в Литву. Это удалось двум боярам из самых знатных родов: князю Семену Бельскому и Ивану Ляцкому. За соумышленничество с ними правительница велела схватить брата Семенова, князя Ивана Федоровича Бельского, и князя Ивана Михайловича Воротынского с детьми. Вероятно, бояре же начали смуту между Еленой и Андреем, вторым братом умершего великого князя.

Князь Андрей Иванович Старицкий не был заподозрен в соумышленничестве с братом своим Юрием и спокойно жил в Москве до сорочин по великом князе Василии. Собравшись после этого ехать в свой удел, он стал спрашивать у Елены городов к своей отчине. В городах ему отказали, а дали, на память о покойном, шубы, кубки и коней. Андрей уехал с неудовольствием в Старицу. Нашлись люди, которые передали об этом неудовольствии Елене, нашлись и такие, которые шептали Андрею, что его хотят схватить. Елена призвала Андрея в Москву и старалась его успокоить, говоря: «К нам доходит про тебя слух, что ты на нас гнев держишь: не слушай лихих речей и стой крепко на своей правде; а у нас на сердце против тебя ничего нет. Назови тех людей, которые нас с тобою ссорят, чтобы и вперед не было между нами смуты». Но Андрей, видно, имел причину не доверять ласковым речам: перед ним был живой пример брата его Юрия. Он не объявил, кто ему наговорил на Елену, сказал, что ему так самому показалось, и оставил Москву, по-прежнему не спокойный за свою участь. В Москву опять начали доносить, что Андрей собирается бежать в Литву. Елена послала звать Андрея в Москву по случаю войны с Казанью. Андрей отвечал, что не может приехать по причине болезни, и просил прислать лекаря. Правительница послала к нему лекаря Феофила, который, возвратившись, донес ей, что у Андрея болезнь легкая – болячка на стегне, а он лежит между тем в постели. Тогда Еленой овладело подозрение: почему Андрей не приехал на совет о важном деле казанском? Она послала опять к Андрею осведомиться о его здоровье, а между тем велела тайно разузнать, нет ли какого о нем слуха и почему он в Москву не поехал. Ей донесли, что Андрей притворился больным потому, что не смеет ехать в Москву. Елена послала вторично звать его

⁴ Он погребен в Архангельском соборе. На гробнице его следующая надпись: «В лето 7044 (1536) августа в 3-й день преставися Благоверный Князь Георгий Иванович Дмитровской».

в Москву, и снова была та же отговорка болезнью. Тогда послали в третий раз с требованием непременно приехать в каком бы то ни было положении. Андрей отправил в Москву князя Федора Пронского со следующим ответом: «Ты, государь⁵, приказал к нам с великим запрещением, чтоб нам непременно у тебя быть, как ни есть. Нам, государь, скорбь и кручина большая, что ты не веришь нашей болезни и за нами посылаешь неотложно. А прежде, государь, того не бывало, чтоб нас к вам, государям, на носилках волочили. И я, от болезни и от беды, с кручины отбыл ума и мысли. Так ты бы, государь, пожаловал показал милость, согрел сердце и живот холопу своему, своим жалованьем, чтобы холопу твоему впредь было можно и надежно твоим жалованьем быть бесскорбно и без кручины, как тебе Бог положит на сердце». Вероятно, он еще не решился бежать, как его ни пугали. Вдруг он узнает, что боярина его, Феодора, схватили на дороге, что Иван Оболенский выехал со многими людьми в поле и хочет загородить ему дорогу в Литву. Тогда в страхе побежал он со своею женою и с сыном и, не смея пуститься за Литовский рубеж, направил путь к Новгороду. Этот город еще не совсем забыл свою старую вольность и недолюбливал Москвы. Андрей стал рассылать грамоты по новгородским боярам, приглашая их к себе на службу: «Великий князь мал, а государство держат бояре: у кого же вам служить? Приходите ко мне: я готов вас жаловать». Многие из детей боярских, владельцев в Новгородской земле, приняли сторону Андрея. В самом Новгороде архиепископ Макарий и царские наместники удержали народ от волнения; между тем поспешно собирали людей и укрепили Торговую сторону⁶ в пять дней; около нее построена была стена в рост человека. В Москве тоже не дремали: всем служилым людям по дорогам велено спешить за Иваном Оболенским, который шел по следам Андрея и настиг его недалеко от Новгорода. Оба войска стали друг против друга. Андрей не решился вступить в битву. Еще прежде бежало от него несколько детей боярских. Одного из них удалось поймать. Беглеца пытали, посадив в одной сорочке в озеро. Он открыл так много сообщников, что Андрей велел оставить дело. Теперь, видя перед собою московское войско, он мало надеялся на своих приверженцев и стал ссылаться с Оболенским, прося у него правды. Иван Оболенский, от имени Елены, обещал, что на него не положат никакой опалы, и уговорил его вместе ехать в Москву. Андрей, по своей простоте, поверил данному слову, но Елена, как и надо было ожидать, не давала никаких обещаний. Оболенскому для виду объявлен был гнев правительницы, а Андрея заключили в темницу, чтоб впредь такой смуты и волнения не было, ибо многие люди московские колебались. Одинаковой участи с Андреем подверглись жена его и сын Владимир. Все его бояре были пытаны и казнены. Федор Пронский также погиб в заключении. Тридцать человек бояр новгородских, которые передались на сторону Андрея, были биты в Москве кнутом и потом повешены по Новгородской дороге. Андрей не более полугода прожил в неволе.

Как бояре рассчитывали на слабость женского правления, так еще более рассчитывали на это внешние враги. Борьбу с Москвой начало Польско-Литовское государство.

Новый великий князь московский отправил к королю польскому Сигизмунду сына боярского Заболоцкого с извещением о смерти отцовой и о своем восшествии на престол. Заболоцкому дан был между прочим такой наказ: «Если спросят про умершего великого князя и его братьев, князя Юрия и князя Андрея Ивановичей, где теперь князь Юрий и князь Андрей? — то отвечать: князь Андрей Иванович на Москве у государя; а князь Юрий Иванович государю нашему тотчас по смерти отца его начал делать великие неправды через крестное целование, и государь наш на него опалу свою положил, велел его заключить».

С послами, приезжавшими от польско-литовских панов к московским боярам, а также с посланцем, ездившим объявлять о вступлении на престол Иоанна, было заявлено желание

⁵ Все дела производились от имени малолетнего Иоанна.

⁶ Река Волхов разделяла Новгород на две стороны — *Торговую*, где в основном жили граждане новгородские, и *Софийскую*, где находился храм Святой Софии, главная святыня Новгорода, с кремлем, или детинцем.

мира между Московским и Польско-Литовским государствами, но требовалось, чтобы послы литовские приехали в Москву, как это водилось; послана была даже опасная грамота на этих послов. В Литве со своей стороны требовали, чтобы послы были присланы из Москвы и чтобы мир был заключен на условиях договора между Казимиром и Василием Васильевичем, то есть с отречением от всего, завоеванного Иоанном III и Василием III. Следствием подобных отношений была, разумеется, война. Перемирие истекло, сношения прекратились, и война началась летом 1534 года, по тогдашнему обыкновению, опустошением. Сигизмунд заключил союз с крымским ханом Саип-Гиреем. Война эта, ведшаяся с переменным успехом, не ознаменована была, впрочем, ничем важным. Существенные успехи с обеих сторон ограничились тем, что русские построили на полоцкой земле города Себеж и Велиж, а литовцы взяли Гомель и Стародуб. Наконец, после переговоров, тянувшихся два месяца, после многих споров в Москве заключено было перемирие на пять лет – от Благовещеньева дня 1537 до Благовещеньева дня 1542 года.

Московское правительство считало необходимым поспешить с заключением перемирия с Литвою для того, чтобы иметь возможность управиться с Казанью и Крымом, более опасными соседями. В Крым отправлен был боярский сын Челищев с известием о восшествии на престол Иоанна IV. Русский посол должен был бить челом хану Саип-Гирею, чтобы он учинил себе нового великого князя братом и другом, как великий князь Василий был с Менгли-Гиреем, Челищев отправлен был в Крым в январе, а в мае татары уже разоряли русские области по реке Проне, но были прогнаны. Скоро, однако, в самом Крыму произошла усобица между ханом Саип-Гиреем и старшим из Гиреев – Исламом. Орда разделилась между соперниками, и это разделение было выгодно для Москвы, потому что хотя оба хана следовали прежним разбойничьим привычкам и ни от одного из них нельзя было надеяться прочного союза, тем не менее силы крымчан были разделены. Но Ислам вскоре был убит; тогда Саип-Гирей, став один ханом в Крыму, послал сказать великому князю московскому: «Если пришлешь мне, что вы посылали всегда нам по обычаю, то хорошо, и мы по дружбе стоим; а не придут поминки (дары) к нам всю зиму, то мы сами искать пойдем, и если найдем, то ты уже потом не гневайся. Не жди от нас посла, за этим дела не откладывай; а станешь медлить, то от нас добра не жди. Теперь не постарому с голою ратью татарскою пойдем: кроме собственного моего наряда пушечного, будет со мною счастливого хана (султана турецкого) 100 000 конных людей... Казанская земля – мой юрт, и Сафа-Гирей царь – брат мне. Так ты б с этого дня на Казанскую землю войной больше не ходил; а пойдешь на нее войною, то меня на Москве смотри». Таким образом, с единовластием Саип-Гирея началось вмешательство крымских ханов в дела казанские; потому что мысль об освобождении Казани от русских и соединении всех татарских орд в одну или, по крайней мере, под одним владетельным родом была постоянной мыслью Гиреев, к осуществлению которой они стремились при первом удобном случае.

В последнее время жизни великого князя Василия Иоанновича Казань повиновалась Москве в лице хана своего Еналея. Еналей перенес свои подручные отношения и к наследнику Василия, оставшись по-прежнему верен Москве. Но – вследствие частой перемены ханов и вследствие разных влияний – русского и крымского в Казани давно уже образовались две партии, из которых каждая ждала удобного случая низложить противников. Во время войны Москвы с Литвою крымская партия в Казани увидела удобный случай свергнуть московского подручника: осенью 1535 года составилась заговор, под руководством князя Булата и царевны Горшадны, сестры Магмет-Аминя, бывшего царя казанского. Еналей был убит, и царем провозглашен Сафа-Гирей. Но московская партия не хотела со своей стороны уступить. Извещая правительницу, великую княгиню Елену, об убиении Еналея, приверженцы Москвы велели передать ей: «Нас в заговоре князей и мурз с 500 человек. Помня жалованье великих князей Василия и Ивана и свою присягу, хотим государю великому князю служить прямо, а государь бы нас пожаловал, простил царя Шиг-Алея и велел ему быть в Москву; и когда Шиг-

Алей будет у великого князя в Москве, то мы соединимся со своими советниками, и крымскому царю в Казани не быть». Получив эти вести, великая княгиня решила с боярами, что надобно Шиг-Алея освободить из заключения⁷. В декабре Шиг-Алей был привезен с Белоозера и представлен великому князю. Хан встал на колени и говорил: «Отец твой, великий князь Василий, взял меня детинку малого и жаловал, как отец сына, посадил царем в Казани, но, по грехам моим, в Казани произошла в князьях и в людях несогласица, и я опять к отцу твоему пришел на Москву. Отец твой меня пожаловал в своей земле, дал мне города; а я грехом своим перед государем провинился, гордостным своим умом и лукавым помыслом. Тогда Бог меня выдал, и отец твой меня за мое преступление наказал, опалу свою положил, смиряя меня. А теперь ты, государь, помня отца своего ко мне жалованье, надо мною милость показал». Затем Шиг-Алей представлялся великой княгине-правительнице. И он, и жена его, Фатъма-Салтан, были обласканы и одарены великим князем и его матерью.

Но в то время как в Москве прочили Шиг-Алея на казанский престол и имели в виду дать в нем опору противной крымцам стороне, в Казани началась уже война с Сафа-Гиреем. Татары успели сжечь села около Нижнего, но были отбиты от Балахны. Не имели они успеха и в других местах. Потом казанцы вторглись в костромские волости. Князь Засекин, стоявший здесь для обороны, не собравшись с людьми, ударил на татар, но был разбит и убит. Однако приближение воевод с большим войском заставило татар удалиться. Московское правительство, как мы уже говорили, спешило с заключением перемирия с Литвою из-за казанских и крымских дел. Успокоив и обезопасив этим перемирием западные границы, оно в начале 1537 года двинуло войска к востоку, во Владимир и Мещеру. Сафа-Гирей явился под Муромом и сжег предместья, но города взять не мог и ушел, слышав о движении воевод из Владимира и Мещеры. В таком положении находились дела, когда единовластие Саип-Гирея в Крыму явилось новым препятствием для русских к успешному наступлению на Казань. Угрозы крымского хана были так внушительны, что приходилось отказаться от решительных действий против Казани. Послу крымскому отвечали в Москве, что если Сафа-Гирей казанский пришлет к государю и захочет мира, то государь с ним мира хочет. Саип-Гирей повторял: «Ты б к нам прислал большого своего посла, доброго человека, князя Василия Шуйского или Овчину, и казну б свою большую к нам прислал, и с Казанью помирился, и оброков своих с казанских мест брать не велел; а пошлешь на Казань рать свою, и ты к нам посла не отправляй, – недруг я тогда». В Москве рассуждали: «Не послушать царя (крымского хана) – послать рать свою на Казань, и царь пойдет на наши украины, то с двух сторон христианству будет дурно – от Крыма и от Казани». На этом основании приговорили: рати на Казань не посылать; посла Саип-Гирея отпустить в Казань и с ним вместе послать боярского сына к Сафа-Гирею с грамотою. А в ответной грамоте Саип-Гирею великий князь писал: «Для тебя, брата моего, и для твоего прошения я удержал рать и послал своего человека к Сафа-Гирею: захочет он с нами мира, то пусть пришлет к нам добрых людей. А мы хотим держать его так, как дед и отец наш держали прежних казанских царей. А что ты писал к нам, что казанская земля – юрт твой, то посмотри в старые твои летописцы, не того ли земля будет, кто ее взял? Ты помнишь, как цари, потерявши свои ордынские юрты, приходили на казанский юрт и брали его войнами, неправдами; а как дед наш милостью Божиею Казань взял и царя свел, то ты не помнишь! Так ты бы, брат наш, помня свою старину, и нашей не забывал». Итак, мы видим, что влияние на Казань, бывшее прежде на стороне России, перешло теперь к Крыму.

В 1537 году заключен был мирный договор со Швецией, по которому Густав Ваза обязался не помогать ни Литве, ни Ливонии в войне с Москвою; утверждена была взаимная свободная торговля и выдача беглецов с обеих сторон.

⁷ Он был сослан великим князем Василием на Белоозеро за тайные сношения с Казанью, будучи недоволен назначением брата Еналея ханом казанским.

С Ливониею возобновлен старый мир.

Воложского (Молдавского) господаря, Петра Стефановича, врага Сигизмундова, московское правительство поддерживало деньгами.

Перечислим важнейшие внутренние дела в правление Елены.

Построение Китая-города в Москве. Уже великий князь Василий, находя Кремль тесным для многолюдного населения и недостаточным для защиты в случае неприятельского нашествия, намеревался оградить столицу новою обширнейшею стеною. Елена осуществила его намерение. 20 мая 1534 года начали копать глубокий ров от Неглинной вокруг посада, где были все купеческие лавки и торги, к Москве-реке через площадь Троицкую, место судебных поединков, и Васильевский луг. Работали слуги придворные, митрополичьи, боярские и все жители без исключения, кроме чиновников или знатных граждан, и в июне кончили; а 16 мая следующего года, после крестного хода и молебна, отпетого митрополитом, Петр Малый Фрязин, итальянец, заложил около рва каменную стену и четыре башни с воротами Сретенскими (Никольскими), Троицкими (Ильинскими), Всесвятскими (Варварскими) и Козьмодемьянскими на Великой улице. Этот город назван был Китаем, или средним.

Построение новых крепостей и возобновление старых. Кроме двух крепостей на Литовской границе, даже на литовской земле (Себежа и Велижа), Елена основала: в Мещере город Мокшан (на месте, издревле именуемом Мурунза), Буйгород в Костромском уезде, Балахну у Соли, где прежде находился посад, и Пронск на реке Проне. Владимир, Ярославль и Тверь, обращенные пожаром в пепел, вновь отстроены. Темников перенесен на более удобное место. Устюг и Софийская сторона в Новгороде окружены стенами, укреплена Вологда.

Правительство заботилось об умножении народонаселения выходцами из чужих стран: так, в 1535 году выехали из Литвы 300 семей.

Уже в последнее время княжения Василия обнаружилось важное зло – обрез и подмес в деньгах, за что были казнены в Москве многие поддельщики и обрезчики: им лили в рот олово, отсекали руки. Елена запретила обращение поддельных и резаных денег: приказала их переделывать и вновь чеканить. При великом князе Василии на деньгах изображался великий князь на коне с мечом в руке, а теперь стал изображаться с копьем в руке, отчего деньги стали называться копейными (копейками).

Правительница Московского государства, юная летами, цветущая здоровьем, вдруг скончалась 3 апреля 1538 года, во втором часу дня. Летописцы не говорят ни слова о ее болезни. Герберштейн утверждает, что ее отравили. Она была в тот же день погребена в Вознесенском девичьем монастыре (в Кремле) – усыпальнице царственных особ женского пола. Не сказано даже, что митрополит совершил над нею отпевание. Бояре и народ не изъявили, кажется, даже и притворной горести. Непритворно плакали и горевали только сирота-отрок Иоанн и любимец почившей Оболенский, который лишился всего и не мог уже надеяться ни на что в будущем.

VI

После смерти великой княгини Елены бояре невольно оказались правителями Русской земли. Исполнялось, таким образом, мимо их стараний тайное, заветное желание, которое они принуждены были заглушать в себе так долго.

Не чувствуя над собою ярма и государева страха, как бывало во дни оны, все эти Шуйские, Бельские, Оболенские, Палецкие, Кубенские, Шереметевы, Воронцовы и другие имели в виду только свои личные выгоды, руководились узкими побуждениями честолюбия, корыстолюбия или страха. «Всякий пекся о себе, а не о земских и государских делах». Впоследствии царь Иоанн Васильевич в письме своем к Курбскому, вспоминая дни своей юности, так описывает времена боярского правления: «Они наскочили на грады и села, ограбили имущества жителей и нанесли им многообразные беды, сделали своих подвластных своими рабами, и

рабов своих устроили, как вельмож; показывали вид, что правят и устраивают, а вместо того производили неправды и нестроения, собирая со всех неизмеримую мзду, и все творили и говорили не иначе, как в видах корысти (по мзде)». Это свидетельство царя подтверждается рассказами летописей. Так Псковская летопись выражается о характере наместников во время правления Шуйских: «Свирепи ако Львове и люди их аки зверье дивии до крестьян».

Таким образом, правление бояр, правление слуг, оказавшихся неожиданно в положении господ, окончательно упрочило силу того начала, которому они думали противодействовать во имя старых прав своих. Русь всеми своими сочувствиями обратилась к тому началу – началу самодержавия, которое уже сослужило ей великую историческую службу, освободив ее от тяжелой неволи татарской. От этого же крепкого самодержавия Русь ждала и надеялась защиты и от произвола, насилия, угнетения своих домашних татар...

Первое место между вельможами московскими занимали князья Шуйские, потомки тех суздальско-нижегородских князей, которые были лишены своих отчин великим князем Василием Дмитриевичем, так долго не хотели покориться своей участи и только при Иоанне III вступили в службу московских великих князей. Способности, энергия и честолюбие были наследственными в этом знаменитом роде. Главою его в это время был князь Василий Васильевич при великом князе Василии, отличившийся защитой Смоленска от Литвы.

Овладев Смоленском, Василий III поставил здесь наместником князя Василия Шуйского. После поражения русского войска при Орше многие лучшие люди в Смоленске завели сношения с литовцами, приглашая их взять назад город и обещая им со своей стороны деятельную помощь. Василий Шуйский, узнав об этом, схватил главных заговорщиков. Когда же литовцы явились перед городом, он велел повесить арестованных смолян на городской стене с теми самыми подарками, которые они недавно получили от великого князя московского: одни, например, висели в дорогих собольих шубах, у других на шее были привязаны серебряные ковши... После этого изменников в городе не оказалось, и литовский отряд должен отступить ни с чем.

От такого человека можно было ожидать, что он не станет очень стесняться и для достижения собственных личных целей. И действительно, уже в седьмой день по кончине Елены Василий Шуйский вместе с братом Иваном и другими распорядился насчет ее любимца: князь Оболенский и сестра его Аграфена были схвачены, несмотря на протестующие просьбы державного беззащитного отрока. Оболенский умер в заключении. Сестру его отправили в Каргополь и постригли в монахини. Заключенные в правление Елены князь Иван Бельский и князь Андрей Шуйский были освобождены. Бельский-Гедиминович не захотел оставаться спокойным зрителем распоряжений Шуйского-Рюриковича, захотел распоряжаться и сам. Соединившись с митрополитом Даниилом и дьяком Федором Мишуриным, он стал подговаривать Иоанна возвысить званием некоторых из лиц, ему дружелюбных. Шуйские, хлопотавшие о повышении только своих родственников и доброхотов, озлобились на Бельского. «Встала, – говорит летописец, – вражда между боярами великого князя». Сторона Шуйских была сильнее, и Бельский снова попал в заключение, а советники его разосланы по деревням. Дьяка Мишурина Шуйские велели боярским детям и дворянам ободрать на своем дворе и нагого положить на плаху: ему отрубили голову без государева приказания. Митрополит Даниил остался пока нетронутым.

Василий Шуйский умер в октябре 1538 года, и влияние его перешло к брату его, князю Ивану. Новый правитель низложил митрополита Даниила, приверженца Елены (в феврале 1539 года), и сослал его в Волоколамский монастырь, где он был прежде игуменом. Там его заставили написать грамоту, в которой он отрекался от митрополии не по болезни или немощи, но по сознанию своей неспособности к такому высокому служению. Эта грамота подписана бывшим митрополитом 26 марта, а между тем уже 9 февраля был поставлен новый митрополит Иоасаф Скрипицын из игуменов Троицкого монастыря. Святители, поставлявшие Иоасафа,

немало погрешили в том, что, уступая давлению мирской власти, избрали и поставили нового митрополита прежде, нежели прежний отрекся от своей кафедры.

Свергнув Даниила, князь Иван Шуйский, без сомнения, рассчитывал иметь в избранном по его желанию первосвященнике верного союзника и твердую опору, но ошибся. Иоасаф вместе с некоторыми боярами в июле 1540 года осмелился ходатайствовать перед государем об освобождении Бельского: Бельский был освобожден и появился во дворце. Застигнутый врасплох, Шуйский принужден был примириться с тем, чего уже нельзя было переделать, но в досаде перестал ездить к государю и советоваться с боярами. Правление перешло к Бельскому и митрополиту Иоасафу, ставшими «первосоветниками» государя. По ходатайству новых правителей освобождены были из темницы жена и сын удельного князя Андрея Ивановича Старицкого, причем Владимиру Андреевичу возвращен был даже отцовский удел. В то же время была оказана милость и другому удельному князю – Димитрию, сыну Андрея Ивановича Углицкого, племяннику Иоанна III, около 50 лет сидевшему в оковах в Вологде: с несчастного страдальца сняли оковы, но темница все-таки не отворилась для него. В правление Бельского Пскову был возвращен его старинный самосуд с дозволением судить уголовные дела выборным целовальникам (присяжным), помимо великокняжеских наместников и тиунов их. Правитель думал возвратить на родину и брата своего, Семена Федоровича Бельского. Но Семен давно уже строил козни против Москвы на Литве и в Турции, поднимая недругов против своего отечества.

Правление Бельского обещало много хорошего, но, к сожалению, скоро пало. Бояре вознегодовали на князя Бельского и на митрополита за то, что великий князь держал их у себя в приближении. Эти бояре были: князья Михаил и Иван Кубенские, князь Дмитрий Палецкий, казначей Иван Третьяков и с ними многие дворяне и дети боярские, а также новгородцы Великого Новгорода всем городом. Против правительства составилась заговор в пользу Ивана Шуйского, который находился в это время во Владимире, оберегая восточные области от набега казанцев. Московские заговорщики назначили Шуйскому и его советникам срок – 3 января 1542 года, чтобы он прибыл в этот день в Москву из Владимира. Ночью на 3 января он явился в Москву со своими советниками без приказания государя. Еще прежде его приехали сын его Петр да Иван Большой Шереметьев с 300 человек дружины. В эту ночь в Кремле поднялась страшная тревога. За три часа до свету бояре пришли в постельные хоромы к государю и заставили попов петь у крестов заутреню. Между тем Бельского схватили на его дворе и засадили до утра, а потом отправили в заточение на Белоозеро. Советники его были разосланы по городам; одного из них – Щенятеева – выволокли задними дверьми из самой комнаты государя. На митрополита Иоасафа напали с особенным ожесточением: по его келье стали бить камнями. Испуганный, он думал найти убежище во дворце. Но заговорщики бросились за ним и туда с великим шумом, разбудили государя и привели его в трепет. Тогда митрополит бежал на Троицкое подворье, но дети боярские и новгородцы преследовали его с ругательствами и едва не убили на подворье: только троицкий игумен Алексей, именем Сергия Чудотворца, да князь Димитрий Палецкий с трудом умолили их воздержаться от убийства. Митрополит был взят и сослан на Белоозеро в Кириллов монастырь, откуда впоследствии был переведен в монастырь Троице-Сергиев, где и скончался. Но Бельский живой был страшен и опасен и на Белоозере, и потому в мае месяце трое преданных Шуйским людей отправились на Белоозеро и умертвили его в тюрьме. «И бысть мятеж велик в то время на Москве и государю страхование учиниша».

Верховная власть снова перешла в руки Шуйских. На место митрополита вместо Иоасафа возведен был новгородский архиепископ Макарий, один из знаменитейших духовных лиц русской истории. Сам Макарий свидетельствует в своем духовном завещании, что он отказывался от предлагаемой чести, но не смог прислушаться и был понужден не только всем собором святителей, но и самим благочестивым царем Иоанном Васильевичем.

Князь Иван Шуйский, захвативший верховную власть, по болезни скоро удалился от двора, передав правление своим родственникам, Ивану и Андрею Михайловичу Шуйским, и Федору Ивановичу Скопину-Шуйскому⁸. Но недолго пришлось править и этим Шуйским. Между ними первенствовал князь Андрей, так же нагло и свирепо, как и Иван Шуйский, творивший все что ему вздумается и ни во что не ставивший подраставшего великого князя. После свержения и смерти Ивана Бельского у Шуйских не было соперников. Но у них мог явиться соперник опасный не знатностью рода или личными заслугами, а доверенностью и расположением государя. И Шуйские ревниво следили за тем, чтобы кто-нибудь не стал им поперек дороги. Иоанну исполнилось между тем уже 13 лет, и он, со своим живым впечатлительным умом, нагнавшемуся на всякие смуты, созрел не по летам. Шуйские с опасением заметили его привязанность к Федору Семеновичу Воронцову. 9 сентября 1543 года трое Шуйских и советники их – князь Шкурлятев, князья Пронские, Кубенские, Палецкий и Алексей Басманов – в присутствии великого князя и митрополита, в столовой избе у государя, на совете, схватили Воронцова, стали бить по щекам, оборвали платье и хотели убить его до смерти. Иоанн послал митрополита и бояр Морозовых уговорить их, чтобы они не убивали Воронцова. Они не убили его, но с великим позором вытолкали на площадь, били, толкали и отдали под стражу. Государь опять прислал митрополита и бояр к Шуйским просить их, чтобы Воронцова отправили на службу в Коломну, если нельзя оставить его в Москве. Правители не уважили просьбы своего государя и приговорили услать Воронцова подальше – в Кострому. Все это сопровождалось большими спорами и шумом. «И когда, – говорит летописец, – митрополит ходил от государя к Шуйским, Фома Головин у него на мантию наступил и разодрал ее».

Поступок Шуйских с Воронцовым был последним безнаказанным боярским самовольством: 29 декабря 1543 года Иоанн велел схватить первосоветника боярского, князя Андрея Шуйского, и отдать его псарям. Псари убили его, волоча к тюрьмам. Советники и пособники его, по приказу великого князя, были схвачены и разосланы из Москвы. Молодой сокол расправлял свои крылья. Бояре были ошеломлены. «С тех пор, – говорит летопись, – начали бояре иметь к государю страх и послушание». У Иоанна были, конечно, советники, направлявшие его волю и внушавшие ему уверенность в себе и решимость действовать самостоятельно. То были его дядья с материной стороны: Юрий и Михаил Васильевичи Глинские. Погубив Шуйского, они захватили теперь правление в свои руки. Опалы следовали за опалами. Много бояр поплатились за свое властолюбие, за неумение угодить Глинским: одних выслали в ссылку, иных казнили, а Афанасию Бутурлину отрезали язык за «невежливые» слова.

В мае 1546 года, когда Иоанну было уже 16 лет, случилось следующее происшествие. Великий князь отправился с войском в Коломну по вестям, что крымский хан идет к этим местам. Однажды Иоанн, выехав погулять за город, был остановлен новгородскими пищальниками (их было человек с 50), которые стали о чем-то бить ему челом. Он не расположен был их слушать и велел отослать. Не известно, как посланные великим князем исполнили его приказание. Известно только то, что пищальники начали бросать в них колпаками и грязью. Тогда Иоанн отправил отряд дворян своих прогнать пищальников. Но последние стали сопротивляться и дворянам. Дворяне вздумали употребить силу. Пищальники начали биться ослопами и стрелять из пищалей. С обеих сторон осталось на месте человек по пяти или по шести. Государь не мог этим местом проехать к своему стану и принужден был избрать окольную дорогу. Иоанн встревожился, им овладело подозрение, и он велел дьяку своему, Василию Захарову, проведать, по чьей науке пищальники осмелились так поступить, потому что без науки, без постороннего внушения этого, по его мнению, случиться не могло. Захаров донес, что пищальников подучали бояре – князь Кубенский и двое Воронцовых. Великий князь поверил Захарову и в великой ярости велел казнить Кубенского и Воронцовых. Курбский так характеризует

⁸ Деду знаменитого героя времени, Михаила Скопина-Шуйского.

Кубенского: «Муж зело разумный и тихий в совершенных уже летах». Летописцы говорят, что дьяк оклеветал бояр.

В правление Шуйских правосудие в московском государстве находилось в жалком состоянии. Если пограничные области были опустошаемы казанцами, то внутренние области, по свидетельству современника (Курбского), не менее страдали в это время от наместников. Летописец говорит о псковских наместниках, Андрее Шуйском и Репнине-Оболенском: «Были эти наместники свирепы, как львы, а люди их, как звери дикие, до христиан, и начали поклепцы добрых людей клепать, и разбежались добрые люди по иным городам, а игумены честные из монастырей убежали в Новгород. Князь Шуйский был злодей... поднимал он старые дела, правил на людях по сту рублей и больше, а во Пскове мастеровые люди, все делали на него даром, большие же люди давали ему подарки». Андрей Шуйский разорял требованием большого числа подвод для своих людей, ездивших к нему из его деревень и обратно. Каждый его слуга, под защитой имени своего господина, позволял себе всякого рода насилия.

В правление Бельского и митрополита Иоасафа начали давать губные грамоты всем городам большим, пригородам и волостям. По этим грамотам жители получали право самосуда, то есть право избирать своих судей и наказывать преступников («лихих людей») независимо от наместников и других государственных чиновников. «И была христианам радость и льгота большая от лихих людей, от поклепцов, от наместников, от их недельщиков и ездоков, которые по волостям ездят... Злые люди разбежались, стала тишина». Суд и расправа по этим грамотам производились над лихими людьми на месте избранными головами, и затем обо всем этом только давалось знать в Москву тем боярам, которым разбойные дела приказаны.

Неурядица, последовавшая за смертью великой княгини Елены, заставила бежать из Москвы архитектора Петра Фрязина, который выехал из Рима при великом князе Василии, принял православие, женился в Москве и получил поместья. В 1539 году он был отправлен укреплять новый город Себеж, воспользовался этим случаем и пробрался за границу, в Ливонию. На вопрос дерптского епископа, что заставило его бежать из Москвы, Петр отвечал: «Великого князя и великой княгини не стало, государь нынешний мал остался, а бояре живут по своей воле, и от них великое насилие, управы в земле никому нет, между боярами самими вражда, и уехал я от великого мятежа и безгосударства».

Что же делалось во все это время во внешних сношениях Московского государства? Рассмотрим прежде всего дела крымско-казанские.

Надеясь на защиту со стороны Крыма, казанцы начали опустошать пограничные московские области. В 1539 году они подходили к Мурому и Костроме. В упорном бою, происходившем недалеко от Костромы, они убили четверых московских воевод, но сами принуждены были бежать и потерпели поражение от царя Шиг-Алея и князя Федора Михайловича Мстиславского. В декабре 1540 года Сафа-Гирей с казанцами, крымцами и ногаями подступил к Мурому, но, узнав о движении владимирских воевод и царя Шиг-Алея из Касимова, ушел назад. Сафа-Гирей был обязан казанским престолом князю Булату. Но в Казани существовала партия, противная крымской. Сначала эта партия была слаба и не могла рассчитывать на деятельную поддержку со стороны Москвы. Но через несколько лет обстоятельства переменились: Сафа-Гирей окружил себя крымцами, доверяя им одним и обогащая их. Это оттолкнуло от него и тех вельмож, которые прежде были на стороне крымской. Князь Булат стал теперь во главе недовольных и от имени всей казанской земли послал в Москву (в 1541 году) с просьбой, чтобы великий князь простил их и прислал под Казань своих воевод. «А мы, – говорил Булат, – великому князю послужим, царя уьем или схватим да выдадим воеводам. От царя теперь казанским людям очень тяжело: земских людей грабит, копит казну да в Крым посылает». Великий князь отвечал Булату и всей земле, что прощает их и высылает к ним воевод. Действительно, боярин князь Иван Васильевич Шуйский, с другими воеводами и многими людьми из 17 городов, отправился во Владимир наблюдать за ходом казанских дел

и пересылаться с недовольными. Так как война с Казанью была вместе с тем и войною с Крымом, то правительство московское (Бельский с митрополитом Иосафом) отправило войско и в Коломну для наблюдения за южными границами. В Москву прибежали из Крыма двое пленных и сказали, что Сафа-Гирей узнал о движении русского войска и дал знать об этом Саип-Гирею. Последний двинулся на Русь со своею ордою, оставив в Крыму только старого да малого. Вместе с ним пошли турки, ногаи, кафинцы, астраханцы, азовцы, белгородцы (аккерманцы). В Москву было дано знать, что крымцы идут на Русь ордою в 100 000 человек, и даже более. Тогда из Москвы двинулся боярин князь Димитрий Федорович Бельский: ему и воеводам, стоявшим на Коломне, велено стать на берегу Оки. Князь Юрий Михайлович Булгаков-Голицын с одним из татарских царевичей должен был стать на Пахре. Но в то же время следовало опасаться и нападения царя казанского, и потому царю Шиг-Алею из Касимова и костромским воеводам велено было стягиваться ко Владимиру на помощь князю Шуйскому. 28 июля Саип-Гирей подошел к городу Осетру. Воевода Глебов бился с неприятелем в посадах, много татар побил и 9 человек живых прислал в Москву. Тогда князь Булгаков с Пахры был передвинут также на Оку, а на его место отправились другие воеводы. Между тем в Москве великий князь ходил в Успенский собор, молился у Владимирского образа Пресвятой Богородицы, у гроба Петра Чудотворца, и потом спрашивал у митрополита Иоасафа и у бояр: оставаться ли ему в Москве или ехать в другие города? Все бояре порешили на том, чтобы великому князю быть в городе. Тогда стали запасать городские запасы, ставить по местам пушки и пищали, расписывать людей по воротам, по стрельницам и по стенам. Пришли вести, что хан уже на берегу Оки и хочет перевозиться. Великий князь писал к воеводам, чтобы между ними не было розни и чтобы они за святые церкви и за православное христианство крепко пострадали; а он, великий князь, рад жаловать не только их, но и детей их. Прочтя грамоту, воеводы стали говорить со слезами: «Укрепимся, братья, любовью, помянем жалование великого князя Василия; государю нашему, великому князю Ивану, еще не пришло время самому вооружиться, еще мал. Послужим государю малому, и от большого честь примем, а после нас и дети наши. Постраждем за государя и за веру христианскую. Если Бог желание наше исполнит, то мы не только здесь, но и в дальних странах славу получим. Смертные мы люди: кому случится за веру и за государя до смерти пострадать, то у Бога незабвенно будет и детям нашим от государя воздаяние будет». Когда же приказ великокняжеский объявлен был всему войску, то ратные люди отвечали: «Рады государю служить и за христианство головы положить, хотим с татарами смертную чашу пить». 30 июля утром Саип-Гирей пришел к Оке на берег и стал на горе. Татары готовились переправляться. Передовой русский полк под начальством князя Ивана Турунта-Пронского начал с ними перестрелку. Хан велел палить из пушек и стрелять из пищалей, чтобы отбить русских от берега и дать своим возможность переправиться. Передовой полк Пронского дрогнул было; но к нему на помощь подоспели князья Микулинский и Серебряный-Оболенский, а за ними начали показываться князь Курбский, Иван Михайлович Шуйский и, наконец, князь Димитрий Бельский. Хан удивился и начал говорить Семену Бельскому, вашему изменнику, и князьям своим с сердцем: «Вы мне говорили, что великого князя люди в Казань пошли, что мне и встречи не будет, – а я столько нарядных людей в одном месте никогда и не видывал». Услышав, что к русским пришли пушки, Саип-Гирей отступил от берега и пошел по той же дороге, по которой пришел. Двое воевод отправились вслед за ним, били отсталых татар и забирали в плен. 3 августа татары пришли под Пронск и целый день бились с осажденными. Хан велел всем своим людям делать туры и припасать градобитные приступы, намереваясь осадить город со всех сторон. А воеводы Пронские, Василий Жулебин и Александр Кобяков, всеми людьми и женским полом начали укреплять город, велели носить на стены колья, камни и воду. В это время приехали в Пронск семь человек боярских детей с вестью от воевод Микулинского и Серебряного, «чтоб сидели в городе крепко, а мы идем к городу наспех со многими людьми». Жители Пронска очень обрадовались; и хан, узнав, в чем

дело, велел сжечь туры и пошел прочь от города. Не застав его у Пронска, воеводы пошли за ним дальше к Дону; но, приблизившись к берегам этой реки, увидали, что татары уже перевезлись. Тогда они возвратились в Москву, и была здесь большая радость. Государь пожаловал бояр и воевод великим жалованьем, шубами и кубками.

Весною 1542 года старший сын Саипов, Имин-Гирей, напал на Северскую область, но был разбит воеводами. В августе того же года крымцы явились в Рязанской области, но, увидав перед собою русские полки, ушли назад. Счастливее был Имин-Гирей в нападении своем на белевские и одоевские места в декабре 1544 года: татары взяли в это время большой полон, потому что трое воевод московских рассорились за места и не пошли против крымцев.

После неудачного похода Саип-Гирей в Казани стали думать о мире. Здесь Булат помирился с Сафа-Гиреем и писал к боярам, чтобы просили великого князя о мире. Царевна Горшадна писала о том же самому Иоанну. Затем до весны 1545 года мы не встречаем никаких известий о казанских делах. В апреле этого года объявлен был поход на Казань – по какому поводу, неизвестно. Князь Семен Пунков, Иван Шереметев и князь Давид Палецкий отправились к Казани на стругах, с Вятки пошел князь Василий Серебряный, из Перми – воевода Львов. Идучи Вяткою и Камою, Серебряный побил много неприятелей и сошелся с Пунковым у Казани в один день и час, как будто пошли из одного двора. Сошедшись, воеводы побили много казанцев и возвратились благополучно. Не такова была судьба третьего отряда. Львов с пермичами пришел поздно, не застал под Казанью русского войска, был окружен казанцами, разбит и убит.

Хотя этот поход не сопровождался, как видим, особенно блестящими успехами, однако был важен в том отношении, что усилил внутренний беспорядок в Казани и борьбу партий. Многие из казанских вельмож уехали в Москву, а другие разъехались по иным местам. 29 июля двое вельмож, князь Кадыш да Чура Нарыков, прислали в Москву с просьбою, чтобы великий князь послал рать свою к Казани, а они Сафа-Гирей и его крымцев 30 человек выдадут. Иоанн отвечал им, чтобы они царя схватили и держали, а он к ним рать свою пошлет. В декабре великий князь сам отправился во Владимир, вероятно, для того, чтобы получать скорее вести из Казани. 17 января 1546 года ему дали знать, что Сафа-Гирей выгнан из Казани и много крымцев его побито. Казанцы били челом государю, чтобы он дал им в цари Шиг-Алея, и в июне Шиг-Алей был посажен в Казани. Но изгнание Сафа-Гирей и посаджение Шиг-Алея было делом недолгим. Едва князь Бельский, посадивший Шиг-Алея в Казани, успел возвратиться оттуда, как пришла весть, что казанцы привели Сафа-Гирей на Каму и изменили великому князю и царю Шиг-Алею.

Шиг-Алей убежал из Казани.

Что касается отношения к Литве, то весьма важно было во время боярского правления то обстоятельство, что война с нею уже прекратилась. Престарелый Сигизмунд сам не думал уже начинать новой войны и хлопотал только о том, чтобы быть наготове в случае, если по истечении перемирия Москва вздумает напасть на Литву. Когда перемирие вышло, в марте 1542 года в Москву приехали литовские послы. Возобновлено было перемирие. Не добились ни вечного мира, ни даже размена пленных: король требовал в придачу к пленным уступки Чернигова и еще шести городов. Боярину Морозову, ездившему в Литву для размена грамот, велено было ходатайствовать за наших пленных, чтобы их не держали в оковах и позволяли им ходить в церковь: последнее утешение для несчастных, осужденных умереть в стране неприятельской!

Сношения с другими странами были мирные: наши посланники ездили к султану Солиману, к царю астраханскому Абдул-Рахману и к молдавскому господарю, Ивану Петровичу.

VII

Трех лет Иоанн лишился отца, а восьми лет остался круглым сиротою и очутился на руках, или – вернее сказать – в руках, бояр, которые всеми мерами старались о том, чтобы не воспитать, а испортить ребенка-государя, чего и достигли вполне.

Иоанн не имел того медлительного, расчетливого характера, каким отличались его отец и дед: он от природы был горячего, впечатлительного, страстного нрава. Развитию этой природной раздражительности способствовали и обстоятельства его детства. По смерти матери у него отняли всех близких людей, к которым он был привязан детским сердцем, отняли даже мамку Аграфену, заботы и ласки которой могли хоть сколько-нибудь заменить для него материнскую любовь. Вместо любимых людей появляются Василий и Иван Шуйские; его окружают люди, заботившиеся только орудием для своих корыстных целей. Ребенок с блестящими дарованиями, каким был Иоанн, предоставленный с раннего детства самому себе, развивается быстро, не по летам. Перед его глазами происходила борьба сторон: людей к нему близких у него отнимали, влекли их в заточение, несмотря на его просьбы; потом слышал он об их насильственной смерти. Но в то же время он ясно понимал свое положение, потому что те же самые люди, которые, не обращая на него никакого внимания, при нем били, унижали людей к нему близких, при посольских приемах и других церемониях стояли перед ним, как покорные слуги, и все делали его именем. Таким образом, ребенок видел в боярах врагов, похитителей его прав, но бороться с ними он еще не мог.

Научившись читать, Иоанн с жадностью накинудся на книги, прочел все, что только мог прочесть, изучил Священное Писание⁹, Священную историю, церковную, прочел римскую историю, русские летописи, творения святых отцов. Пытливый ум его особенно занимали те страницы, где говорилось о царях и их власти, о том, как цари относились к вельможам.

С другой стороны, из суровой и безотрадной своей детской жизни Иоанн вынес презрение к интересам других, неуважение к человеческому достоинству, к жизни человека. Он был окружен людьми, которые, добиваясь своих целей, не обращали на него никакого внимания, оскорбляли его, которые во взаимной борьбе не щадили друг друга, позволяли себе на его глазах насильственные поступки.

Такая-то неприглядная обстановка воспитывала и воспитала будущего «грозного» царя русского. Бояре пожалели то, что посеяли. К несчастью, не им одним пришлось пожинать злые плоды их злого сеяния...

Приведем воспоминания самого Иоанна о своем детстве. Вот что говорит он в своем письме к князю Курбскому: «По смерти матери нашей Елены остались мы с братом Георгием круглыми сиротами; подданные наши хотение свое улучили, нашли царство без правителя: об нас, государях своих, заботиться не стали, начали хлопотать только о приобретении богатства и славы, начали враждовать друг с другом. И сколько зла они наделали! Сколько бояр, воевод – доброхотов отца нашего – умертвили! Дворы, села и имение дядей наших взяли себе и водворились в них! Казну матери нашей перенесли в большую казну, причем неистово ногами пихали ее вещи и спицами кололи; иное и себе побрали, а сделал это дед твой Михайло Тучков». Описав поведение князей Шуйских относительно дядя Мишурина, князя Ивана Бельского и двоих митрополитов, Иоанн продолжает: «Нас с братом Георгием начали воспитывать, как иностранцев или как нищих. Какой нужды не натерпелись мы в одежде и в пище: ни в чем нам воли не было, ни в чем не поступали с нами так, как следует поступать с детьми. Одно припомню: бывало, мы играем, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, локтем опершись о постель нашего отца, ногу на нее положив. Что сказать о казне родительской? Все

⁹ Иоанн Грозный знал наизусть все Евангелие и Апостол, как впоследствии царевич Петр (Великий).

расхитили лукавым умыслом, будто детям боярским на жалованье, а между тем все себе взяли; и детей боярских жаловали не за дело, верстали не по достоинству. Из казны отца нашего и деда наковали себе сосудов золотых и серебряных и написали на них имена своих родителей, как будто бы это было наследственное добро, а всем людям ведомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйского шуба была мухояровая, зеленая, на куницах, да и те ветхи. Так если б у них было отцовское богатство, то, чем посуду ковать, лучше б шубу переменить. Потом на города и села наскочили и без милости пограбили жителей; а какие напасти от них были соседям, исчислить нельзя; подчиненных всех сделали себе рабами, а рабов своих сделали вельможами; думали, что правят и строят, а вместо того везде были только неправды и нестроения, мзду безмерную отовсюду брали, все говорили и делали по мзде».

По словам Курбского, Иоанна воспитывали великие и гордые бояре на свою и на детей своих беду, стараясь друг перед другом угождать ему во всяком наслаждении и сладострастии.

VIII

13 декабря 1546 года Иоанн (ему пошел теперь уже семнадцатый год) позвал к себе митрополита Макария и объявил, что хочет жениться. На другой день митрополит отслужил молебен в Успенском соборе, пригласил к себе всех бояр, даже и опальных, и со всеми отправился к великому князю, который сказал Макарию: «Милостию Божиею и пречистой Его Матери, молитвами и милостию великих чудотворцев Петра, Алексия, Ионы, Сергия и всех русских чудотворцев, положил я на них упование, а у тебя, отца своего, благословяся, помыслил жениться. Сперва думал я жениться в иностранных государствах, у какого-нибудь короля или царя; но потом я эту мысль отложил – не хочу жениться в чужих государствах, потому что я после отца своего и матери остался мал: если я приведу себе жену из чужой земли и в нравах мы не сойдемся, то между нами дурное житье будет. Поэтому я хочу жениться в своем государстве, у кого Бог благословит, по твоему благословению». Митрополит и бояре, по словам летописца, заплакали от радости, видя, что государь так молод, а между тем ни с кем не советуется. Но молодой государь тут же удивил еще другую речью. Он продолжал: «По твоему, отца своего митрополита, благословению и с вашего боярского совета, хочу прежде своей женитьбы поискать прародительских чинов, как наши прародители, цари и великие князья, и сродник наш, великий князь Владимир Всеволодович Мономах на царство, на великое княжение сядишь, – и я также этот чин хочу исполнить и на царство, на великое княжение, сесть». Бояре обрадовались, что государь в таком еще младенчестве, а прародительских чинов искал.

16 января 1547 года совершилось царское венчание Иоанна.

Это было в воскресенье. Утром государь вышел в столовую комнату, где находились все бояре, а воеводы, князья и служилые люди, богато одетые, стояли в сенях. Духовник государев, благовещенский протопоп Феодор, взяв из рук Иоанновых на золотом блюде животворящий крест, венец и бармы, отнес их, сопровождаемый конюшим, князем Михаилом Глинским, казначеями и дьяками в соборный храм Успения Богоматери. Вскоре затем пошел туда и великий князь: перед ним шел духовник с крестом и святою водою, кропя людей по обе стороны, а за ним – брат его, князь Юрий Васильевич, бояре, князь и весь двор. Войдя в церковь, государь приложился к иконам. Певчие возгласили ему многолетие. Митрополит благословил его. Затем служили молебен. Посреди храма, на амвоне с двенадцатью ступенями, были изготовлены два места, одетые золотыми поволоками, в ногах лежали бархаты и камки. Эти места заняли государь и митрополит! Перед амвоном стоял богато украшенный налож с царскою утварью¹⁰. По

¹⁰ В древних наших «чиновниках», книгах, по которым совершалось венчание наших царей, сохранилось известие, что «превысочайшую честь, царские венец и диадему от греческого царя Константина Мономаха восприем князь Владимир Всеволодович и сего ради Мономах наречеса». Византийский император Алексей Комнен прислал Владимиру Всеволодовичу в

окончании молебна архимандриты взяли и подали ее митрополиту. Он встал вместе с Иоанном и, возлагая на него крест, бармы и венец, громогласно молился, чтобы Всевышний оградил сего христианского Давида силою Святого Духа: посадил его на престол добродетели, даровал ему ужас для строптивых и милостивое око для послушных. Обряд закончился провозглашением нового многолетия государю. Митрополит поздравил государя: «Радуйся и здравствуй православный царю Иванне, всея России самодержец на многие лета!» Приняв затем поздравления от духовенства, вельмож и граждан, Иоанн слушал литургию, по окончании которой возвратился во дворец, ступая с бархата на камку, с камки на бархат. Князь Юрий Васильевич осыпал его в церковных дверях и на лестнице золотыми деньгами из мисы, которую нес за ним Михаил Глинский. Лишь только государь вышел из церкви, народ, дотоле стоявший неподвижно и безмолвно, с шумом кинулся обдирать царское место: всякому хотелось иметь лоскут паволоки на память о достопамятном дне.

Торжественное венчание Иоанна было повторением венчания Дмитрия, внука Иоанна III, с некоторыми переменами в словах молитв и с тою разницею, что Иоанн III сам, а не митрополит надел венец на главу внука. Современные летописи не упоминают ни о скипетре, ни о миропомазании, ни о причащении, не сказывают также, чтобы Макарий говорил венчавшемуся царю поучения.

Чтобы придать еще более значения своему царскому венчанию, Иоанн послал просить благословения к цареградскому патриарху Иоасафу¹¹, от которого в 1561 году и получил утвердительную грамоту. В этой грамоте, подписанной тридцатью шестью греческими митрополитами и епископами, патриарх говорит между прочим: «Не только предание людей достоверных, но и самые летописи свидетельствуют, что нынешний властитель московский происходит от незабвенной царицы Анны, сестры императора Багрянородного, и что митрополит Эфесский, уполномоченный для того собором духовенства Византийского, венчал Российского великого князя Владимира на царство».

С этого времени русские государи стали уже не только в сношениях с другими державами, но и внутри государства, во всех делах и бумагах, именоваться царями, сохраняя и титул великих князей, освященный древностию. Царский титул, не принятый официально, упоминался уже и прежде в дипломатических сношениях при Иоанне III и Василии III. Иоанн III, сочетавшись браком с греческою царевною, племянницею последнего византийского императора, считал себя некоторым образом преемником славы и величия православных византийских царей. Он в некоторых своих грамотах уже титуловался царем и счел нужным освятить обрядом царского венчания назначение себе преемника в особе своего внука Дмитрия, которому не удалось царствовать. Сын и преемник Иоанна III, Василий, не повторил над собою венчания на царство, быть может, избегая подобия с племянником, который томился в оковах. Но и Василий не чуждался царского титула, укреплявшего и освещавшего возникшую самодержавную монархию. А в действительности, по словам Герберштейна, не было в мире монарха с такою властью над подданными, какую имел московский государь. Прежде ханы Золотой Орды были царями для русского народа, находившегося у них в порабощении. Теперь Орда уже не властвовала над Русью: теперь сам московский великий князь сделался ее владыкою, тем, чем был для нее хан. Вся Русь становилась его достоянием. И вот преемник Василия, желавший быть на московском престоле тем же, чем Давид и Соломон были в Иерусалиме, Август, Константин

числе других даров драгоценный венец, златую цепь и бармы (оплечье) Константина Мономаха, деда Владимиров по матери. Эфесский митрополит Неофит возложил их на Владимира и провозгласил его царем. Эти знаки царского достоинства стали возлагаться потом на русских государей при их короновании.

¹¹ Курбский пишет: «Посла царь Феодорита (инока) Соловецкого просветителя Лопарей к патриарху Константинограда просити о царском венчании, и ходи вящие года; и принесе от патриарха благословение, и книгу царского венчания присла патриарх с митрополитом своим и Михайлом пресвитером. Царь же подарова Феодорита тремя сты сребреными и шубою соболей под аксамитом; он же взя точию 25 сребреники».

и Феодосий в Риме, принимает уже официально титул царя и ревниво оберегает его в сношениях с другими государствами. Для придания большей важности царскому роду родословие московских государей выводилось так: Август-кесарь, обладавший всею вселенною, поставил брата своего Пруса на берегах Вислы-реки по реку, называемую Неман, и до сего года по имени его зовется Прусская земля; а от Пруса четырнадцатое колено до великого государя Рюрика.

Тогдашние книжники приписывали изменению титула московских государей великое значение: «Вся христианская царства преидоша в конец и спадошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Российское царство; два убо Рима падоша, а третий (то есть Москва) стоит, а четвертому не быть». В псковской летописи по случаю царского венчания Иоанна читаем: «Яко же написано в Апокалипсисе глава 17: пять бо царев минуло, а шестый есть, не убо пришло, но се абие уже настало и приде». В новгородской летописи читаем: «И наречеся царь и великий князь, всея великия России самодержец великий показася, и страх его обдержаше вся языческие страны, и бысть вельми премудр и храбросерд, и крепкорук, и силен телом и легок ногами, аки пардус, подобен деду своему, великому князю Иоанну Васильевичу: прежде бо его никто же от прадед его царем славяше в России, не смеяше от них никийждо поставитися царем и зватися теш новым именем, блюдушися зависти ради и востания на ню поганых царь».

IX

Итак, Иоанн заявил желание найти себе невесту не в чужом, но в своем государстве. И вот зимою 1546/47 года, еще до венчания его на царство, были разосланы следующие грамоты:

«От великого князя Ивана Васильевича всея Руси в нашу отчину в Великий Новгород, в Бежицкую Пятину, от Новгорода верст за сто и за полтора и за двести, князем и детям боярским. Послал я в свою отчину, в Великий Новгород, окольничего своего Ивана Дмитриевича Шеина, а велел боярам своим и наместникам, князю Ю. М. Булгакову да Василью Дмитриевичу, да окольничему своему Ивану, смотрити у вас дочерей девок – нам невесты. И как к вам эта наша грамота придет, и у которых у вас будут дочери девки, и вы б с ними часа того ехали в Великий Новгород; а дочерей бы у себя девок однолично не таили, повезли бы часа того не мешкая. А который из вас дочь девку у себя утаит и к боярам нашим не повезет, и тому от меня быть в великой опале и в казни. А грамоту посылайте меж себя сами, не издержав ни часа».

Другая грамота «в Вязьму и Дорогобуж князем и детям боярским: дворовым и городовым. Писал к нам князь Иван Семенович Мезецкой, да дворцовый дьяк, Гаврило Щенок, что к вам послали наши грамоты, да и свои грамоты к вам посылали, чтоб по нашему слову вы к ним ехали с дочерьми своими, а велел я им смотреть у вас дочерей – себе невесты. И вы-де и к ним не едете и дочерей своих не везете, а наших грамот не слушаете. И вы то чините не гораздо, что наших грамот не слушаете. И вы б однолично часа того поехали с дочерьми своими ко князю Ивану Семеновичу Мезецкому да к дьяку. А который из вас к ним с дочерьми своими часа того не поедет, а тому от меня быти в великой опале и в казни. А грамоту посылайте меж себя сами, не издержав ни часу».

Приведенные грамоты, рассылавшиеся ко всем помещикам или служивым людям, по разным местностям, знакомят нас отчасти с порядком предварительного выбора царской невесты. В областные и другие города посылали доверенных людей из окольничих или из дворян с дьяками, которые заодно с местною властью, с наместником или воеводою и должны были пересмотреть всех девиц назначенного округа. Между тем по всему округу, во все поместья пересылалась государева грамота с наказом везти дочерей в город для смотра. Помещики собирались с невестами и затем избранных везли уже в Москву. Для многих, вероятно, по бедности, этот местный съезд был делом не совсем легким, и потому иные не слишком торопились исполнять царский наказ. Должно полагать, что лицам, пересматривавшим невест на месте, давался

какой-либо наказ – словесный, а всего вернее писанный, с подробным обозначением тех добрых качеств, какие требовались для невесты государевой вообще и по желанию жениха в особенности. Без сомнения, немаловажное место занимала здесь и мера возраста или роста, с которой ездили осматривать невест в Византии. После смотра все избранные первые красавицы области вносились в особую роспись, с назначением приехать в известный срок в Москву, где им готовился новый смотр, еще более разборчивый, уже во дворце, при помощи самых близких людей государя. Наконец избранные из избранных являлись на смотрины к самому жениху, который и указывал себе невесту, также после многого «испытания». После избрания царскую невесту торжественно вводили в царские особые хоромы, где ей жить, и оставляли до времени свадьбы на попечении дворовых боярынь и постельниц, жен верных и богобоязливых, в числе которых первое место тотчас же занимали ближайшие родственницы избранной невесты, обыкновенно ее родная мать или тетка или другие родственницы. Введение невесты в царские терема сопровождалось обрядом ее царственного освящения: здесь с молитвою наречения на нее возлагали царский девичий венец, нарекали ее царевною, нарекали ей и новое царское имя. Вслед за тем дворовые люди «царицына чина» целовали крест новой государыне. По исполнении обряда наречения новой царицы рассылались по церковному ведомству в Москве и во все епископства грамоты с наказом, чтобы о здравии новонареченной царицы Бога молили, то есть поминали ее имя на ектениях вместе с именем государя.

Вторая из двух приведенных выше грамот Иоанновых написана была 4 января 1547 года; а месяц спустя, именно 3 февраля, происходила уже царская свадьба.

Выбор молодого царя пал на девицу одного из самых знатных и древних московских боярских родов, который, при наплыве родов княжеских, успел удержать за собою близкое к престолу место: девица эта была Анастасия, дочь умершего окольного Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, племянница боярина Михаила Юрьевича, близкого к великому князю Василию. Быть может, эти отношения не были без влияния на выбор царской невесты¹².

В житии преподобного Геннадия Костромского (память его празднуется 23 января) читаем: «Некогда же случися святому, прийти в Москву, и прият был честно от боярыни Иулиании Феодоровны, жены Романа Юрьевича, благословения ради чад ее, Даниила и Никиты, и дщери ее, Анастасии Романовны». Благословляя детей прабабки царя Михаила, прозорливый Геннадий сказал Анастасии: «Ты, ветвь прекрасная, будешь нам царицею».

Совершив обряд венчания в Успенском соборе, митрополит сказал новобрачным: «Днесь таинством Церкви соединены вы навеки, чтобы вместе поклоняться Всевышнему и жить в добродетели; а добродетель ваша есть правда и милость. Государь: люби и чти супругу. А ты, христоробивая царица, повинуйся ему. Как святой крест – глава Церкви, так муж – глава жены. Исполняя усердно все заповеди Божии, узрите благая Иерусалима и мир во Израиле».

Умная и добродетельная Анастасия имела большое влияние на своего супруга. В летописи читаем: «Предобрая Анастасия наставляла и приводила Иоанна на всякие добродетели».

В первые два года супружества Бог не благословил Иоанна и Анастасию детьми. По благочестивому примеру отцов молодые супруги стали усердно молиться о разрешении своего неплодия. 21 июня 1548 года, когда прошло уже 16 месяцев, а наследника у царицы не было,

¹² Необходимо заметить, что представитель этого рода после смерти боярина Михаила, другой дядя Анастасии, Григорий Юрьевич Захарьин, не принадлежал к стороне Шуйских, и не упоминается ни в каких боярских смутах детства Иоаннова. Что касается брата Анастасии, Никиты Романовича, то народные песни, принимающие сторону Иоанна Грозного в его борьбе с боярами, только к одному этому боярину относятся с большим сочувствием». А по историческим известиям, Никита Романович является также единственным лицом, которому Грозный до конца своей жизни оказывал неизменное уважение. Этот Никита Романович был дедом Михаила Феодоровича, первого царя из дома Романовых. Романовы, вместе с Шереметьевыми, Зубатыми, Беззубовыми, Колычевыми, Кобылиными, Кокоревыми, Лодыгиными, Неплюевыми, происходят от Андрея Кобылы, выехавшего из Пруссии. Сын Андрея – Федор Кошка был первым боярином при Дмитрии Донском; сын Федора – Иван – играл важную роль при Василии Дмитриевиче; от сына его Захария и внука Юрия фамилия Захарьины-Юрины, а от сына Юрьева Романа – Романовы.

в последнюю неделю Петрова поста государь со многим желанием и с великою верою совершает обетное богомолье к Троице пешком с царицею и с братом. С тою же, по всему вероятию, мыслью о чадородии и царица особо предпринимает 14 сентября новое богомолье к Троице, также пешком, по обещанию. Через неделю за нею выехал в монастырь и сам государь. Спустя год после этого обетного богомолья 10 августа 1549 года у супругов родилась дочь Анна. Государь был так обрадован рождением ребенка, что тогда же заложил в Новодевичьем монастыре обетный храм во имя праведных Иоакима и Анны; слушал там всенощную и заутреню и на утро другого дня, 18 августа, освятив этот обыденный храм, крестил в нем новорожденную дочь, причем восприемником ее от купели был преподобный Геннадий Костромской. Через год, однако ж, младенец скончался. Другая дочь, Мария, родившаяся 17 марта 1551 года, также скончалась младенцем и погребена в Вознесенском девичьем монастыре. На следующий год, 1552, 11 октября, родился сын Димитрий в то самое время, как царь окончил так счастливо завоевание казанского царства. Радость его о рождении наследника была неизреченна. Связывая значение «казанского взятия» с победою над Мамаем, он дал сыну имя в память прародителя Димитрия Иоанновича Донского, первого победителя татар. По приезде из похода в Москву государь вместе с царицею возил новорожденного в Троицкий монастырь к крещению. Весною следующего года царь повез с собой младенца даже в Кириллов монастырь на Белоозеро, отправляясь туда молиться вместе с царицею по случаю своего выздоровления от болезни. Но, к великой горести родителей, младенец скончался на возвратном пути их в Москву, в июне 1553 года. Царь и царица «зельною печалию объаты быша и сугубо скорбяще, понеже не имуще ни единого чада». Снова предпринимает они богомольный поход по чудотворцам: молятся в Ростове у великого святителя Леонтия, прося у Бога чадородия в наследие своему царству; молятся в Переяславле у гроба преподобного Никиты и у честных его вериг; молят со слезами святого Никиту как благонадежного ходатая к Богу. Молитвами угодника Бог отнял скорбь от их сердца. «Того же дни приидоша в град Переяславль и в царском дому своем обрадованно почиша. И ту царица зача во чреве своем. И оттуда приидоша в царствующий град Москву, веселящися и благодаряще Бога. Егда же приспе время, родися им благодарованный сын (28 марта 1554 года) и наречен бысть отчим именем царевич Иван». По случаю рождения царевича Иоанна прощены были судные пошлины. Царь писал дьякам: «Как сын наш царевич Иван народился, и которые дела засужены и кончены до его нарожде-нья, а пошлины еще не взяты, с тех дел пошлин не брать».

Потом родились у царя царевна Евдокия (26 февраля 1556 г.), царевич Феодор (11 мая 1557 г.). Царевна Евдокия крещена была в Чудове монастыре, в храме архистратига Михаила; восприемником ее от купели был митрополит Макарий. Но она скончалась на третьем году (в июне 1558 года) и погребена была в самый день смерти в Вознесенском монастыре; сыновья же (Иоанн и Феодор) достигли совершенного возраста. Сохранением своего здоровья и жизни они обязаны были молитвам и заступлению того же угодника Божия, преподобного Никиты. Однажды, когда царевич Иоанн был уже по второму году, царица по обыкновению отдыхала, а царевич сидел у кормилицы на коленях. Вдруг кормилица слышит позади себя на лавке воду, kloкочущую в оловянном сосуде. В испуге она вскочила с царевичем, думая, что сосуд проутлился (протек); а в сосуде сохранялась вода, взятая из кладезя св. Никиты. Тут была приставница – мама царевича, Фотинья. Она тотчас приняла к себе царевича на руки, взяла потом сосуд, и «паки возгрем вода в сосуде» в руке Фотиньи, так что сама собою даже открылась крышка, и кипящая вода потекла из сосуда, исходя двумя источниками (быть может, намек на двух сыновей царя). Благоразумная Фотинья, разумея, что это благодать Божия, принимала рукою кипящую воду и возливала ее на голову и на лицо, и на все тело царевича, приговаривая: «Буди сие Божие милосердие на многолетнее здравие и радость благородным твоим родителям и тебе государю и всему вашему царству». Проснулась и сама царица. Рассказали ей все, как было. Взяла она сосуд в свои руки, и «паки воскипе вода и возливашеся на руце ее». Царица

благодатную ту воду возлила на свое лицо и на перси. Умывались тою водою и все живущие во дворце: видеша благодать Божию, дивляхуся, славяща Бога и великого в чудесах Никиту. Возвещено же бысть чудо сие и великому государю». Подтверждением этого сказания может служить то обстоятельство, что спустя два года по рождении царевича Иоанна, 1 сентября 1556 года, царь с царицею и с сыном, предприняв обычный богомольный поход к Троице, проехал оттуда в Переяславль к Никите Чудотворцу и «повелел игумену общину соделати и велий монастырь соградиша». Затем известно, что в XVII столетии в числе домовых, сенных храмов и престолов на царицыной половине дворца существовал и придел Никиты Переяславского, устроенный, по всему вероятно, еще при Иоанне Грозном, в особенное уважение к покровительству святого угодника Никиты. Он находился в храме Святого Лазаря, в нижнем этаже сенной царицыной церкви Рождества Богородицы. В 1547 году, 18 сентября, приговорил государь женить брата своего, князя Юрия Васильевича; и ходил государь с ним к Макарию митрополиту, чтобы благословил женить князя Юрия, и велел боярам и князьям привести на свой царский двор дочерей-девиц. Выбор пал на княжну Иулианию, дочь князя Дмитрия Федоровича Палецкого.

X

Как сильно ни любил Иоанн свою юную супругу, но, не привыкнув до сих пор сдерживать себя, он не мог тотчас поддаться ее умиротворяющему влиянию, и нельзя было поэтому ожидать в нем быстрой перемены.

Всем заправляли родные его – Глинские; повсюду сидели их наместники; не было нигде правосудия, везде происходили насилия и грабежи. Управы на новых правителей искать было негде. Сам царь не терпел, чтобы его беспокоили просьбами или жалобами. Особенно Михаил Глинский наделал много зла, позволяя своим холопам грабить народ. «В те поры Глинские у государя в приближении и в жаловании были, а от людей их черным людем насильство и грабеж: они же их от того не унимаху».

12 апреля 1547 года вспыхнул сильный пожар в Москве: погорели лавки со многими товарами и казенные гостиные дворы. А у Москвы-реки в стрельнице вспыхнуло пушечное зелье: разорвало стрельницу и разметало кирпичи по берегу реки и в реку. 20-го числа снова случился пожар за Яузой: погорели гончары и кожевники, горело на Яузе до самого ее устья. 3 июня семьдесят псковских людей прибыли в Москву жаловаться на своего наместника, князя Турунта-Пронского, угодника Глинских. Они явились к царю в его сельце Острове. Иоанн, не выслушав челобитчиков, закипел гневом, велел раздеть их и положить на земле, поливать их горячим вином и палить им свечами волосы и бороды. Несчастные ждали смерти... Во время этого вдруг пришла неожиданная весть, что в Москве, когда в одной церкви начали благовестить к вечерне, с колокольни упал колокол-благовестник. Иоанн бросил свои жертвы и поспешил в Москву.

Падение колокола считалось предвестием бедствия. А тут к этому предвестию присоединилось еще другое предзнаменование уже ожидаемой беды. В это время жил в Москве юродивый Василий Блаженный. Народ чтит его как угодника Божия. И в зимнюю стужу, и в летний зной он ходил обнаженный, «как Адам первозданный». 20 июня, в полдень, Василия Блаженного увидели близ церкви Воздвижения на Арбате: он глядел на церковь и горько плакал. «Это не к добру: чует он беду!» – говорили в народе. Все в страхе ожидали неведомого несчастья.

На другой день, 21 июня, в этой самой церкви вспыхнул пожар, с чрезвычайно быстрою распространявшийся по деревянным зданиям города, чему способствовал сильный ветер. Такого страшного пожара еще никогда не бывало в Москве: он и известен под именем великого пожара. Огонь потек, как молния, и в продолжение часа обратил в пепел все Занеглинье и Чертолье (нынешняя Пречистенка). Потом буря понесла пламя на Кремль, где загорелся верх

Успенского собора, потом занялись деревянные кровли на царских службах (палатах), причем сгорели: оружничая палата, постельная палата с домашнею казною, царская конюшня и разрядные избы, где велось делопроизводство о всяких назначениях по службе; огонь проник даже в погреба под палатами. Пострадала придворная златоверхняя церковь Благовещения: в ней погибли невосвратно Деисус письма знаменитого русского иконописца Андрея Рублева, обложенный золотом, и все иконы греческого письма, древних великих князей, собранные «от многих лет» и украшенные также золотом и бисером многоценным. По каменным церквям сгорели иконостасы и людское добро, которое продолжали и в это время прятать по церквям. Успенский собор и митрополичий двор остались целы. В Успенском соборе уцелел иконостас и все сосуды церковные. Митрополит Макарий едва не задохся от дыма в соборе: он вышел из него, неся образ Богородицы, написанный митрополитом Петром; за ним шел протопоп и нес церковные правила. Макарий ушел было сначала на городскую стену, на тайник (подземный ход), проведенный к Москве-реке, но не мог долго оставаться здесь от дыма. Его стали спускать с тайника на канате на взруб к реке, канат оборвался, и митрополит сильно расшибся, так что едва мог прийти в себя. Его отвезли в Новоспасский монастырь. Кремлевские монастыри – Чудов и Вознесенский – сгорели. Пожар сделался еще ужаснее, когда дошел до пороха, хранившегося в стенах Кремля, и произошли взрывы. Огонь распространился по Китай-городу, и эта часть города сгорела вся, исключая две церкви и десять лавок. Пожар охватил большой посад вплоть до Воронцовского сада на Яузе. Народу сгорело, говорят, 1700 взрослых человек и несчетное множество детей. Царь с супругою и с приближенными своими не был в Москве во время пожара: он уехал в село Воробьево. На другой день он поехал с боярами в Новоспасский монастырь навестить митрополита.

Между тем большая часть москвичей находилась в ужасном положении – без хлеба, без крова. Многие не могли отыскать своих близких, родных, пропавших без вести. Народом овладело отчаяние. В те времена всегда готовы были приписать общественное бедствие лихим людям и колдовству. Разнеслась молва, что лихие люди, чародеи вражьем наветом вынимали из человеческих трупов сердца, мочили их в воде и этою водою кропили московские улицы, отчего и сгорела Москва. Донесли об этом царю, который велел боярам своим сделать розыск. Тогда знатные люди, ненавидевшие Глинских, воспользовались случаем погубить их. Эти враги Глинских были: дядя царицы Анастасии – Григорий, царский духовник, благовещенский протопоп Федор Бармин, боярин князь Федор Скопин-Шуйский, Иван Петрович Челяднин, князь Юрий Темкин, Федор Нагой и другие.

26 июня, в воскресенье, на пятый день после пожара, бояре приехали в Кремль на площадь к Успенскому собору, собрали черных людей и начали спрашивать: кто зажигал Москву? В толпе, заранее настроенной заговорщиками, закричали: «Княгиня Анна Глинская со своими детьми волхвовала: вынимала сердца человеческие да клала в воду, да тою водою, ездя по Москве, кропила, оттого Москва и выгорела!» Легко было уверить в этом народ, так как все не любили Глинских и были недовольны их могуществом. От людей их народу было насилие и грабеж, а они людей своих не унимали. Конюший боярин, князь Михаил Васильевич Глинский, родной дядя царский, был в это время с матерью Анною, бабкою государя, во Ржеве, полученном от царя в кормление. А другой брат, Юрий находился в это время в Москве и, не подозревая, какие сети ему плели бояре, приехал к Успенскому собору вместе со своими тайными врагами. Услышав о себе и о своей матери такие неприязненные речи в народе, Юрий Глинский понял, что его может постигнуть, и поспешил укрыться в Успенский собор. Но бояре, злобясь на Глинских, как на временщиков, напустили чернь. Расходившийся народ вломился в Успенский собор, вытащив оттуда Глинского, убил его, выволок труп его из Кремля и бросил на торгу, где казнят преступников. Умертвив Глинского, чернь бросилась на людей его и истребила всех. Досталось тут и таким, которые вовсе не принадлежали к числу их. В Москве были тогда на службе дети боярские из Северной земли (нынешние губернии: Черниговская,

Курская и Орловская). Народ перебил их потому только, что в их речи слышался тот же говор, что и у людей Глинского. «Вы все их люди, – кричала толпа, – вы зажигали наши дворы и товары!»

Так прошло два дня. Народ не унимался. Одного Глинского было мало: народу нужны были еще жертвы. На третий день после убиения князя Юрия толпы черни явились в село Воробьево, у дворца царского, с криком, чтобы государь выдал им бабку свою, княгиню Анну Глинскую, и сына ее, князя Михаила, которые будто бы спрятаны у него в покоях. Иоанн был потрясен и страшно напуган всеми предшествующими событиями: «Он, – как говорит сам, – думал, что его обвиняют как участника в поджогах и хотят убить». Однако он выказал тут свою решительность: велел схватить крикунов и казнить. Скопище рассеялось, и многие разбежались даже по другим городам. Но главные виновники восстания против Глинских не пострадали, а цели своей все-таки достигли: оставшийся в живых князь Михаил Васильевич Глинский не только потерял надежду восторжествовать над своими врагами, но даже отчаялся в собственной безопасности и вместе с приятелем своим, князем Турунтаем-Пронским, бежал в Литву из своих ржевских сел. Об этом донесли государю. Иоанн послал в погоню за беглецами князя Петра Ивановича Шуйского. Сведав о погоне, Глинский и Пронский вернулись к Москве: они думали тайком пробраться в город и уверить государя, что вовсе не бежали, а ездили на богомолье. Но Шуйский успел их схватить – одного в самых воротах, другого на посаде. Посидев немного под стражею, они были прощены и отданы на поруки, потому что вздумали бежать по неразумию и из страха, испугавшись судьбы князя Юрия Глинского.

Могущество Глинских рушилось, но не перешло оно и к врагам-завистникам их, виновникам их падения.

XI

Ужасный московский пожар произвел сильное впечатление на Иоанна: «Страх вошел ему в душу и трепет в кости». Пред его глазами море огня затопило и пожрало большую часть Москвы. Пред ним стояла грозная толпа народа, в котором была вся его сила и опора, которым, по воле Божией, он был призван властвовать, и эта толпа производила дикую расправу над его дядей. Он слышал грозные крики разъяренной черни, требовавшей от него – от своего владыки – выдачи остальных ближайших родичей. Было над чем задуматься! Не кара ли это небесная за его тяжкие грехи? И вот пред царем появляется грозный и вдохновенный проповедник – Сильвестр, священник Благовещенского собора, начинает ему говорить о несчастном положении московской земли, указывает, что причиною бедствий – нерадение и пороки царя, что кара Божия висит над ним, строго вразумляет его Священным Писанием и закликает страшным именем Божиим, рассказывает ему о чудесах и знамениях. Речи Сильвестра сильно подействовали на царя: он начал каяться, плакал и дал обещание с этих пор во всем слушаться своего наставника.

Курбский в своей истории Иоанна Грозного говорит, что во время народного возмущения против Глинских Бог подал руку помощи земле христианской таким образом: «Тогда явился к нему (Иоанну) один муж, чином пресвитер, именем Сильвестр, пришлец из Великого Новгорода, и начал строго обличать его Священным Писанием и заклинять страшным Божиим именем; к этому начал еще рассказывать о чудесах, о явлениях, как бы от Бога происшедших. Не знаю, правду ли он говорил о чудесах или выдумал, чтобы только напугать его и подействовать на его детский неистовый нрав. Ведь и отцы иногда пугают детей мечтательными страхами, чтобы удержать их от зловредных игр с дурными товарищами. Так делают и врачи, обрезывая железом гниющий член или дикое мясо до самого здорового тела. Так и он своим добрым обманом исцелил его душу от проказы и исправил развращенный ум».

Сильвестр овладел совестью царя, который отдался ему всецело как руководителю и наставнику.

Не следует думать, что Сильвестр прежде не был известен Иоанну, а явился пред ним внезапно и впервые, в селе Воробьево. Как священник придворного Благовещенского собора, он был еще прежде хорошо известен Иоанну и, как перешедший из Новгорода, пользовался, вероятно, покровительством Макария, когда тот в 1542 году стал митрополитом. Сильвестр еще прежде обратил на себя внимание царя своими достоинствами, но теперь его внушения и его влияние получили гораздо большую силу. А то, что именно священник получил такое важное, первенствующее значение у царя, это можно объяснить тем, что царь изверился в князьях и боярах, раздражавших народ насилиями и притеснениями и восстановивших было его против него самого, царя, и решился искать опоры в лицах другого происхождения и испытанной нравственности.

Сильвестр около десяти лет стоял во главе управления государством. Вот что мы читаем в летописи: «Священник Сильвестр, родом новгородец, был у государя в великом жалованьи и в совете духовном и думном: он все мог делать, все его слушались, и никто не смел ему противиться ради царского жалованья. Он указывал и митрополиту, и владыкам, и архимандритам, и игуменам, и монахам, и попам, и боярам, и дьяконам, и приказным людям, и воеводам, и детям боярским, и всяким людям. Словом, он заправлял всеми делами, святительскими и царскими, и никто не смел сказать что-нибудь или сделать не по его воле. Только имени, одеяния и престола, как у царя и святителя, у него не было, а оставался он простым попом, на деле же владел он всем со своими советниками, и все его высоко почитали».

После Сильвестра ближайшим и довереннейшим лицом у царя стал Алексей Адашев, человек большого ума и в высокой степени нравственный и честный. «С Сильвестром, – так продолжает Курбский свой рассказ, – тесно сошелся в деле добра и общей пользы один благородный юноша, именем Алексей Адашев, который в то время был очень любим царем. Если бы все подробно писать об этом человеке, то это показалось бы совсем невероятным посреди грубых людей: он, можно сказать, был подобен ангелу».

Алексей Федорович Адашев, ложничий царский, был человек очень незначительного происхождения: его отец только в следующем году был произведен в окольничьи. Сам Иоанн говорит об нем следующее: «Не знаю, каким образом вышел из батожников, устроился он при нашем дворе. Видя одну измену в наших вельможах, я взял его от гноища и поставил наряду с вельможами, ожидая от него прямой службы». Адашев был одним из тех простых худородных людей, которых Иоанн начал возвышать назло старинным боярским родам. Он уже прежде был известен Иоанну, случайно попав в число тех молодых людей, которых последний приближал к себе ради забавы.

«Что же полезного эти два мужа (то есть Сильвестр и Адашев) делают для земли своей, впрямь опустошенной и постигнутой горькою бедою? Приклони ухо и слушай со вниманием. Вот что они делают: они утверждают царя, и какого царя? – юного, воспитанного без отца, в злых страстях и в самовольстве. А важнее всего – они прежних злых его доброхотов или отделяют от него, или обуздывают. Названный нами священник учит его молитвам, посту и воздержанию и отгоняет от него всех свирепых людей, то есть ласкателей, человекоугодников, которые хуже смертоносной язвы в царстве; а быть себе помощником он уговаривает и архиерея великого города Москвы, Макария, и других добрых мужей из священства. Так они собирают около него (то есть царя) разумных людей, бывших уже в маститой старости или хотя и в среднем возрасте, но добрых и храбрых, искусных и в военном деле, и в земском. Они до того скрепляют приязнь и дружбу этих людей с государем, что он без их совета ничего не устраивает и не мыслит. А тунеядцев, то есть блюдолизов, товарищей трапез, которые живут шутовством, тогда не только не награждали, но и прогоняли вместе со скоморохами и другими, им подобными».

Сильвестр и Адашев подобрали людей, более других отличавшихся широким взглядом и любовью к общему делу. Кроме митрополита Макария, которого мы везде встречаем ходатаем за опальных бояр, и Андрея Курбского, самого образованного из тогдашних воевод, к этому кругу принадлежали князья: Димитрий Курлятов, Палецкий, Петр Шуйский, Александр Горбатов-Шуйский, Микулинский, Морозов, Мстиславский, Шереметев, Серебряный, Воротынский и другие. Но этот круг состоял не из одних только людей знатных родов: Сильвестр и Адашев стали извлекать из толпы людей незнатных, но честных и поверяли им разные должности. Таким образом, из детей боярских возвышались люди, какие были нужны Сильвестру и Адашеву. Несмотря на то, что среди людей, окружавших тогда царя, были знатные потомки удельных князей, возвышение новых людей вначале не оскорбляло их гордости.

И вот государство стало управляться этим кругом близких к царю людей, который Курбский называет избранною радюю (думую). Без совета с людьми этой избранной рады Иоанн не только ничего не устраивал, но даже не смел и мыслить. Но опекуны его старались по возможности вести дело так, чтобы он не чувствовал тягости опеки. Впоследствии, когда Иоанн сбросил с себя власть этих людей, он так жаловался на ограничение своего самодержавия: «Я принял попа Сильвестра ради духовного совета и спасения души своей, а он пограл священные обеты и хиротонию, сперва как будто хорошо начал, следуя Божественному писанию; а я, видя в Божественном писании, что следует покоряться благим наставникам без рассуждения, ради духовного совета, повиновался ему в колебании и неведении. Потом Сильвестр сдружился с Адашевым, и начали держать совет тайно от нас, считая нас неразумными; и так вместо духовных дел начали рассуждать о мирских, и так мало-помалу всех вас, бояр, приводить в самовольство, снимая с нас власть и вас подстрекая противоречить нам и почти равняя вас честью с нами, а молодых детей боярских уподобляя честью с вами. И так мало помалу утвердилась эта злоба, и вам стали давать города, и села, и те вотчины, которые еще по распоряжению деда нашего у вас отняты, которых вам не следовало давать, роздали: все пошло по ветру, нарушили распоряжение деда нашего и тем склонили на свою сторону многих. Потом Сильвестр ввел к нам в синклит единомышленника своего, князя Дмитрия Курлятева, обольщая нас лукавым обычаем, будто все это делает ради спасения души нашей, и так с этим своим единомышленником утвердили свой злой совет, не оставили ни одной власти, где бы не поместили своих угодников, и с тем своим единомышленником отняли от нас власть, данную нам от прародителей, назначать бояр и давать им честь председания по нашему жалованью: все это положили на свою и на вашу волю, чтоб все было, как вам угодно; и утвердились дружбою; все делали по-своему, а нас и не спрашивали, как будто нас вовсе не было; все устроения и утверждения творили по воле своей и своих советников. Мы же, если что и доброе советовали, им все это казалось непотребным. Во всякой мелочи, до обувания и спанья, я не имел своей воли: все делал по их желанию, словно младенец».

Как бы то ни было, к этому времени – времени господства Сильвестра и Адашева – относятся самые важные и самые блистательные дела царствования Иоанна Грозного: издание Судебника и Стоглава, установление губных грамот, излюбленных старост и целовальников, освобождение народа от произвола наместников и волостелей, дарование ему льгот самоуправления, завоевание Казани и Астрахани.

ХП

Вразумленный и просветленный московским пожаром и грозною речью Сильвестра, Иоанн захотел окончательно порешить с прошедшим, сильно тяготившим его. На 20-м году своего возраста, видя государство в великой тоске и печали от насилия сильных и от неправд, молодой царь умыслил привести всех в любовь. Посоветовавшись с митрополитом, как бы уничтожить крамолы, разорить неправды, утолить вражду, он приказал собрать земский собор,

или земскую думу из выборных людей всей Русской земли. К большому сожалению, мы не знаем не только подробностей, но даже главных черт этого знаменитого события, этого необычайного веча. Мы не знаем, как избирали выборных, кого выбирали, с каким полномочием посылали.

Было это в один из воскресных дней. После обедни царь с митрополитом и духовенством вышел с крестами на Красную площадь, покрытую съехавшимися со всей земли людьми, возшел на Лобное место и после молебна начал говорить митрополиту:

«Молю тебя, святой владыко! Будь мне помощник и любви поборник. Знаю, что ты добрых дел и любви желатель. Знаешь сам, что я после отца своего остался четырех лет, после матери – восьми. Родственники о мне небрегли, а сильные мои бояре и вельможи обо мне не радели и самовластны были, сами себе саны и почести похитили моим именем и во многих корыстях, хищениях и обидах упражнялись. Аз же яко глух не слышах и не имей во устах своих обличения, по молодости моей и беспомощности, – а они властвовали. О несправедливые лихоимцы и хищники, и судьи несправедливые! Какой теперь дадите нам ответ, что многие слезы воздвигли на себя? Я же чист от крови сей, – ожидайте воздаяния своего!»

Поклонившись на все стороны, Иоанн продолжал:

«Люди Божии и нам дарованные Богом! Молю вашу веру к Богу и к нам любовь. Теперь нам ваших обид – разорений и налогов – исправить нельзя вследствие продолжительного моего несовершеннолетия, пустоты и беспомощности, вследствие неправды бояр моих и властей, бессудства несправедливого, лихоимства и сребролюбия. Молю вас: оставьте друг другу вражды и тягости, кроме разве очень больших дел. В этих делах и в новых я сам буду вам, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать».

В тот самый день, как произнесена была эта речь к народу, Иоанн пожаловал Алексея Адашева в окольничие и при этом сказал ему: «Алексей, взял я тебя из нищих и самых незначительных людей. Слышал я о твоих добрых делах и теперь взыскал тебя выше меры твоей, для помощи души моей. Хотя твоего желания и нет на это, но я тебя пожелал, и ни одного тебя, но и других таких же, кто б печаль мою утолил и на людей, врученных мне Богом, призрел. Поручаю тебе принимать челобитные от бедных и обиженных и разбирать их внимательно. Не бойся сильных и славных, похитивших почести и губящих своим насилием бедных и немощных; не смотри и на ложные слезы бедного, клеветующего на богатых, ложными слезами хотящего быть правым; но все рассматривай внимательно и приноси к нам истину, боясь суда Божия. Избери судей правдивых от бояр и вельмож». С этих пор он начал сам судить многие суды и разыскивать праведно. Правление боярское кончилось.

Достопамятный день искреннего покаяния и очищения перед народом был едва ли не самым светлым днем царствования Иоанна.

ХІІІ

Церковь русская, в продолжение пяти с лишком веков своего существования, воспитала уже весьма много угодников Божиих. Но почти все они чествуемы были доселе только в тех местах, где подвизались и покоились по смерти, а не по всей России. Да и эти местные чествования, как не утвержденные высшею властью в русской Церкви – властью митрополита и собора, не могли иметь полной законности и полной обязательности для православных. Если же иногда учреждаемы были церковною властью повсеместные празднества в честь того или другого святого, например, в XI веке – в честь святых мучеников Бориса и Глеба, в начале XII века – в честь преподобного Феодосия Печерского, в XIV – в честь святителя Петра, митрополита московского, в XV – в честь святого митрополита Алексия, то подобные события были крайне редки и совершались отдельно одно от другого. Митрополиту Макарию пришла мысль собрать по возможности сведения о всех русских святых, об их подвигах и чудесах, рассмотреть эти

сведения на соборе и затем определить, каким из угодников Божиих установить праздники во всей отечественной Церкви, если таковые еще не были установлены, и каким установить или только утвердить праздники местные.

И вот, по повелению царя и великого князя Иоанна Васильевича, в 1547 году состоялся в Москве собор, на котором под председательством митрополита Макария находилось семь святителей, кроме прочего духовенства: Алексий Ростовский, Иона Суздальский, Иона Рязанский, Акакий Тверской, Феодосий Коломенский, Савва Сарский и Киприан Пермский. На этом соборе, после предварительных исследований и рассуждений, определено было – двенадцати святым «петь и праздновать повсюду» в русской Церкви, а девяти – только местно.

По всей вероятности, собор установил празднества исчисленным святым не потому, что их одних признал достойными чествования и прославления, а потому, что об них только имел под руками необходимые данные, на основании которых мог утвердить свой приговор. Поэтому, по благословению этого же самого собора, молодой царь обратился с просьбою ко всем святителям Русской земли, чтобы они позаботились, каждый в пределах своей епархии, «известно пытать и обыскивать о великих новых чудотворцах» в городах, весях, монастырях и пустынях, пользуясь показаниями князей, бояр, иноков и вообще богобоязненных людей. Святители отозвались на предложение государя с сердечною радостью и вскоре, каждый в своем приделе, собрали «каноны, жития и чудеса» новых чудотворцев на самых местах, где каждый из них просиял добрыми делами и чудесами, по свидетельству местных жителей всякого рода и звания.

В 1549 году, по воле государя и митрополита Макария состоялся новый собор в Москве, пред которым святители и «положили» собранные ими сведения. Собор «свидетельствовал эти каноны, жития и чудеса и предал Божиим церквам петь и славить, и праздновать» новым чудотворцам, как то совершалось прочим святым, Богу угодившим, во дни их преставления и открытия мощей их. Каким именно чудотворцам положено на этом соборе праздновать, сведений не сохранилось; но судя по тому, что собору были представлены сведения по возможности о всех местных чудотворцах каждой епархии, можно думать, что теперь установлено было чествование весьма многим, если даже не всем русским святым, какие подвизались до половины XVI века и которым не было еще установлено такого чествования, за исключением, разумеется, тех, о ком не было представлено собору сведений. По крайней мере, другого времени, когда могло быть учреждено чествование весьма многих из этих святых, которые, однако ж, доселе чтутся не местно только, а во всей русской Церкви, мы указать не можем: таковы, например, Киприан и Фотий, святители московские, Никита, Евфимий и Иона – новгородские, Леонтий, Исая, Игнатий и Иаков – ростовские, Стефан Пермский, Михаил, князь черниговский, с боярином Феодором, преподобные Авраамий и Исидор Ростовские, Варлаам Хутынский, Кирилл Белозерский, Никита Переяславский и другие. Достойно замечания, что почти все эти святые упоминаются вскоре после собора 1549 года самим царем Иоанном Васильевичем и митрополитом Макарием как угодники Божии и молитвенники пред Богом наравне с святителями Петром, Алексием и Ионою московскими и преподобным Сергием Радонежским, а многие внесены и в месяцесловы того времени.

Воздав таким образом подобающее чествование угодникам Божиим, которых признавал ближайшими заступниками и ходатаями на небеси за себя и за всю землю Русскую и «молитвами» которых, по его собственным словам, он «начал править царство свое», юный государь приступил к делу земского или гражданского благоустройства и еще на соборе 1549 года благословился у митрополита и прочих святителей пересмотреть и исправить Судебник, чтобы впредь суд был праведный и всякие дела совершались законно.

XIV

Не только Иоанн жаловался на неправду, укоренившуюся в управлении, о том же свидетельствуют и летописцы того времени. Поэтому первой заботой советников юного царя было: восстановить суд и правду, умиротворить народ, потерявший терпение от бессудия, неправды и всяческих насилий во время злосчастного боярского правления.

В 1550 году царь и великий князь Иоанн Васильевич со своими братьями и боярами уложил Судебник: как судить боярам, окольным, дворецким, казначеям, дьякам и всяким приказным людям, по городам наместникам, по волостям волостелям, их тиунам и всяким судьям. Рассмотрен и дополнен был прежний великокняжеский Судебник Иоанна III и составлен новый, более подробный царский Судебник. Кроме того, впоследствии были изданы «Уставные грамоты», дополнившие Судебник.

Так как в то время явилась сильная потребность в мерах против злоупотреблений лиц правительственных и судей, то эта потребность и не могла не высказаться в новом Судебнике. Подобно Судебнику Иоанна III, новый Судебник запрещал судьям дружить, и мстить, и брать посулы (взятки), но не ограничивал одним общим запрещением, а грозил определенным наказанием в случае ослушания: «Если судья просудится, обвинит кого-нибудь не по суду без хитрости и обыщется-то вправду, то судье пени нет; но если судья посул возьмет и обвинит кого не по суду и обыщется-то вправду, то на судье взять истцов иск (стоимость иска), царские пошлыны втрое, а в пене, что государь укажет. Если дьяк, взявши посул, список нарядит или дело запишет не по суду, то взять с него перед боярином вполтину да кинуть в тюрьму. Если же подьячий запишет дело не по суду за посул, то бить его кнутом (подвергнуть торговой казни)». «Если виновный солжет на судью, то бить его кнутом и посадить в тюрьму». Поставлены предосторожности против злоупотреблений дьяков и подьячих и наказания в случае их обнаружения: «Дела нерешенные дьяк держит у себя за своею печатью, пока дело кончится. Дьяки, отдавая подьячим дела переписывать с черна начисто, должны к жалобницам (прошениям) и делам прикладывать руки по склейкам, и когда подьячий переписет, то дьяк сверяет сам переписанное с подлинником, прикладывает руку и держит дела у себя, за своею печатью. Подьячие не должны держать у себя никаких дел».

Государственное правосудие и управление сосредоточивалось в столице, где существовали чети, или приказы, к которым были приписаны русские земли. В них судили бояре или окольные, дьяки вели дела, а под ведомством дьяков состояли подьячие. В областях мы видим судебное и административное деление на города и волости. При городах были обыкновенно посады (города в нынешнем смысле), иногда и без города существовали посады, составлявшие до известной степени особое управление, так как посадские люди, занимавшиеся ремеслами, промыслами и торговлей, отличались от волостных. Волости были собранием земледельческих сел. Город с волостями составлял уезд, разделявшийся в полицейском отношении на станы. Уезд заменил старинное понятие о земле: как прежде городу нельзя было быть без земли, так теперь городу нельзя было быть без уезда, подобно тому как деревне нельзя быть без полей и угодий. В городах и волостях управляли наместники и волостели, которые могли быть и с боярским судом (с правом судить подведомственных им людей, подобно боярам в своих вотчинах) или без боярского суда. Они получали города и волости себе «в кормление», то есть в пользование. Суд был для них доходною статьею, но это был собственно доход государя, который передавал его своим слугам вместо жалованья за службу. Там, где они сами не могли управлять, они посылали своих доверенных и тиунов. На суде наместников были дьяки и разные судебные приставы с названиями – праветчиков (взыскателей), доводчиков (звавших к суду и также производивших следствие), приставов (которые стерегли обвиненных) и недельщиков (посылаемых от суда с разными поручениями).

Рядом с этим государевым судебным механизмом существовал другой – выборный народный. Представителями последнего были: в городах – городовые приказчики и дворские, а в волостях – старосты и целовальники. Старосты были двоякого рода: выборные полицейские и выборные судебные. Общества были разделены на сотни и десятки и выбирали себе блюстителей порядка: старост, сотских и десятских. Они распоряжались раскладкою денежных и натуральных повинностей и вели разметные книги, где записаны были все жители с дворами и имуществами. Старосты и целовальники, которые должны были сидеть на суде наместников и волостелей, выбирались волостями или же вместе с ними и теми городами, где не было дворского. Всякое дело, производившееся в суде, писалось в двух экземплярах и в случае надобности поверялось тождество между ними. Как у наместников и волостелей были свои дьяки, так у старост – свои земские дьяки, занимавшиеся письмоводством, а у этих дьяков – свои земские подьячие.

Важные уголовные дела подлежали особым лицам – губным старостам, избранным всем уездом из детей боярских; в описываемое время их суду подлежали только разбойники. Это учреждение явилось в некоторых местах еще в малолетство Иоанна и вызвано было усилившимися разбоями. В некоторых уездах было по два губных старосты. Власть их была велика: все равно должны были подчиняться их суду.

Судебник заботился об ограждении народа от тягости государственного суда и от произвола наместников и волостелей: последние, в случае жалоб на них, подвергались строгому суду. Выборные судьи могли посылать приставов за людьми наместников и волостелей; и если бы наместники и волостели взяли кого-либо под стражу и заковали, не заявив о том выборным судьям, то последние имели право силой освободить арестованных. Только служилые государственные люди подлежали одному суду наместников и волостелей.

При желании обезопасить народ от произвола законодателя, составляя Судебник, уже имели в виду постепенно устранить земство от суда наместников и волостелей и заменить чем-нибудь другим отдачу им в кормление городов и волостей. Это отчасти видно из того, что в 1550 году раздавали во множестве детям боярским земли в поместья, разделяя их на три статьи и принимая во внимание, чтобы получали поместья те, которые не имели своих отчин. Это делалось именно с целью заменить доходы кормления наместников и волостелей дачею им земельных угодий. Эта мера, принятая в то время, значительно увеличила военную силу. К этому времени относится и образование стрельцов из прежних пищальников. Они составляли особый военный класс, жили при городах слободами, разделялись на приказы и вооружены были огнестрельным оружием и бердышами.

Что намечено было Судебником, то продолжали и доканчивали уставные грамоты того времени, давшие перевес в суде выборному началу. Это доказывается историей уставных грамот. По одной из них – устюженской – видно, что прежде наместники и волостели судилирядили произвольно. При Василии Иоанновиче дана уставная грамота, определяющая обязанности волостелей; в 1539 году при боярском управлении дана другая грамота, где доходы волостелей определены несколько точнее; а в 1551 году, согласно Судебнику, волостелям запрещалось творить без участия старосты и целовальников. Мало-помалу управление наместников и волостелей совершенно заменялось предоставлением жителям права самим управляться и судиться посредством выборных лиц за вносимую в царскую казну как бы откупную сумму оброка. В 1552 году дана грамота Важской земле. Нужно заметить, что в этом крае древнее понятие о выборном праве могло укорениться более, чем во многих других местах, так как это была исстари новгородская земля. Жители сами подали об этом челобитную, жалуясь на тягости, которые они терпели от наместников и волостелей. Последние изображаются в этой челобитной покровителями воров и разбойников. Многие из жителей, находя невозможным сносить такое управление, разбегались, а на оставшихся ложилось все бремя налогов, в которых уже не участвовали убежавшие. Жители просили дозволить им избрать 10 человек излюблен-

ных судей, которые бы вместо наместников судили у них как уголовные дела (в душегубстве, и татьбе, и в разбое с поличным и костырем¹³, так и земские; а за это жители будут ежегодно вносить в царскую казну оброка полторы тысячи рублей за все судные наместничьи пошрины, не отказываясь вместе с тем от исполнения государственных повинностей и взносов (посошной службы, то есть обязанности идти в рать, городского ела, то есть постройки укреплений денег полоняночных, на выкуп пленных и ямских, на содержание почт). Правительство дало согласие на такую перемену управления с тем, что весь валовой сбор оброка будет разложен по имуществу и по промыслам жителей. Вместо наместников явились излюбленные головы, или земские старосты, имевшие право суда и смертной казни; а для предотвращения злоупотреблений должны были выбираться целовальники, заседавшие в суде, – свидетели и участники суда. Управление в крае поручалось сотским, пятидесятским и десятским, которые обязаны были наблюдать за благочинием, хватать подозреваемых и отдавать суду излюбленных судей или голов. Вслед за тем одни уезды за другими стали получать подобные грамоты. Наконец в 1555 году эта мера сделалась всеобщей.

Выборное право суда и управления развивало общественные сходбища, которые по закону отправлялись в уездах с целью принятия мер общей безопасности. Все сословия – князья, дети боярские, крестьяне всех ведомств – присылали из своей среды выборных на сходбища, где председательствовал губной староста. Каждый мог и должен был говорить на этих сходбищах, указывать на лихих людей и предлагать меры к их обузданию. Дьяк записывал такие речи, которые принимались в руководство при поисках и следствиях. Все члены общества обязаны были принимать деятельное участие в благоустройстве и содействовать своим выборным лицам в отправлении их должности. Очень важное значение получил тогда обыск. От него зависел способ суда над подсудимым. Если по обыску показывали, что подсудимый – человек дурного поведения, то его подвергали пытке; также показание преступника о соучастии с ним в преступлении какого-нибудь лица проверялось обыском и обвиняемый предавался пытке в таком случае, если по обыску оказывался худым человеком, а в противном случае речам преступника не давали веры. В сомнительных случаях, когда не было ни сознания, ни улик, дело, по жалобе истца, решалось в его пользу тогда, когда обыск давал неудовлетворительный отзыв о поведении ответчика.

Судебник допускал поле, или судебный поединок; но обыск в значительной степени вытеснял его из судопроизводства, так как во многих случаях, когда прежде прибегали к полю, теперь решали дело посредством обыска. Несмотря, однако, на уважение к форме обыска, законодатели сознавали, что обыск будет зачастую производиться с злоупотреблениями; а потому, для предотвращения этих злоупотреблений, установлено было жестокое наказание – наравне с разбойниками (следовательно, смертная казнь¹⁴) тем, которые окажутся солгавшими по обыску; самим старостам и целовальникам угрожало наказанием, если они окажутся нерадивыми в преследовании и открытии такого рода преступления. Впоследствии, когда уже минуло господство Сильвестра и Адашева, значение обыска совершенно упало, хотя форма его не уничтожилась: отзывы, собранные по обыску, не служили уже главной нитью для избрания способов суда и почти не имели значения, так как одобренных по обыску можно было предавать пытке и казнить на основании показаний, вынужденных пыткой. Пытка допускалась единственно только в том случае, когда приговор по обыску признавал подсудимого худым человеком, если не причислять к пытке (так как он не причислялся к пытке в свое время) права – обычая, возникшего в татарские времена, по которому неоплатного должника в определенное время всенародно били палками по ногам, чтоб истребовать лежащий на нем долг.

¹³ Судить игроков в кости и карты.

¹⁴ По Судебнику наказания за уголовные преступления были: денежная пеня, заключение в тюрьму, торговая (кнут) и смертная казнь, постигавшая разбойников, государевых изменников, зажигателей, церковных татей.

По Судебнику самый высший срок держания на правеже мог продолжаться месяц за сто рублей долга; а по истечении этого срока должник выдавался займодавцу головою и должен был отслуживать свой долг работою. Вскоре вместо месяца за сто рублей долга назначено было два месяца правежа. В выборном судопроизводстве не существовало никаких судебных пошлин: правосудие уделялось прибегавшим к нему безденежно.

По Судебнику, кроме духовных, все прочие составляли два отдела: служилых и неслужилых. Первые делились на два разряда: высших и низших. К высшим принадлежали князья, бояре, окольничьи, дьяки и дети боярские; ко вторым – простые ратные люди, ямщики и все казенные служители разных наименований (пушкарники, воротники, кузнецы и т. п.).

К неслужилым, или земским, причислялись: купцы, посадские и волостные крестьяне, жившие как на казенных землях (черносошные), так и на дворцовых и на частных землях. Служилые первого разряда пользовались явными преимуществами. Они занимали видные места и должности, владели поземельною собственностью, имели преимущество в судебных процессах: так, если кто в суде ссылался на их свидетельство, то оно считалось сильнее свидетельства простых людей. Бояре, окольничьи и дьяки освобождались от позорной торговой казни. Оттенки сословий изображались установленными размерами «бесчестия» за оскорбление: боярин получал 600 рублей, дьяк – 200; дети боярские – сообразно получаемому на службе доходу. Из торговых людей гость (первостатейный купец) считался вдесятеро выше обыкновенного торговца и получал 50 рублей, тогда как всякий посадский получал только 5 рублей. Волостной человек, крестьянин, был поставлен в пять раз ниже посадского, получая «бесчестия» всего один рубль; но, находясь на должности, получал наравне с посадским. Женщине платилось «бесчестие» вдвое против мужчины ее звания.

Относительно холопства в это время сделано было несколько распоряжений, видимо, клонившихся к уменьшению числа холопов. Отменялось древнее правило, что поступивший в должность к хозяину без ряда делался его холопом. Детям боярским запрещалось продаваться в холопство не только во время службы, но и ранее. Судебник запрещал отдаваться в холопство за рост, предотвращая, таким образом, случаи, когда человек в нужде делался рабом. Впрочем, неоплатный должник после правежа отдавался головою займодавцу; но, чтобы таких случаев было менее, постановлено было давать на себя кабалы не более, как на 15 рублей. При всякой отдаче головою излюбленные судьи должны были делать особый доклад государю. Наконец, беглый кабальный холоп не был возвращаем прямо хозяину, а ему предлагали прежде заплатить долг, и только в случае решительной несостоятельности выдавали его головою.

Относительно военной службы было установлено, чтобы каждый помещик приводил по требованию известное число ратников, смотря по количеству населенной земли в его поместье (обыкновенно со 100 четвертей один конный воин); при этом определялось, как должны быть вооружены ратники.

Каждый прибывший на службу помещик должен был явиться к воеводе своего города на смотр. Воевода отмечал в списке, кто и как приходил на службу. Тех, которые являлись в исправности – «конны, людны и оружны», записывали в высший разряд. Исправным выдавались от царя награды – прибавка поместий. У неисправных уменьшали земли. «Нети», или «нетчики», то есть вовсе не явившиеся на службу, наказывались еще строже, если они не могли представить уважительных причин своей неявки. Для заведования службою помещиков учрежден был Разряд, или Разрядный приказ, то есть присутственное место, где вели дело обыкновенно боярин и дьяк с подьячими, которым царь приказывал ведать то дело. Каждый помещик, достигнув совершеннолетия, являлся или к воеводе своего города записаться в служилый список, или отправлялся в Москву, в Разрядный приказ, и при этом объявлял, с чего он будет служить, владеет ли он вотчинами и поместьями или нуждается в новом наделе. В последнем случае ему давалось поместье и он назывался новик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.